

Л. Беляева

ДНН

Л. Беляева

Анна

«Автор»

2026

Беляева Л.

Анна / Л. Беляева — «Автор», 2026

Книга, вознаграждающая за внимательное чтение! Строго исторический роман о начале XVI века — процессе освоения Русского Севера: становление личности и места, археологическое расследование и философско-религиозный подтекст в одной книге. С одним допущением...

© Беляева Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая.	5
Глава вторая.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Л. Беляева

Анна

Глава первая.

Пока мы копались в руинах церкви, аккуратно разбирая кирпичное мощение в зоне возможного захоронения настоятельницы, Аня стояла у стены, рассматривая кладку и остатки штукатурки. Наконец-то обнаружили каменную плиту с выбитым восьмиконечным крестом и датой - 7056. Похоже захоронение не было потревожено. Тысяча пятьсот сорок восьмой! Мы шумно поздравляли друг друга! Делали фото, руками смахивали песок с едва заметного рельефа, строили предположения. Каменная плита долго не поддавалась, словно была приклеена, но потом тихо щелкнула и сдвинулась. Нашему взору открылась кирпичная ниша, внутри которой стоял ветхий, но целый гроб. Батюшка нараспев читал свои псалмы, присланный из районного отделения лейтенант милиции с любопытством заглядывал мне через плечо. Произвели очередную фотофиксацию, посоветовались и осторожно поддели простую деревянную крышку — останки были целы.

Я обернулся, чтобы найти глазами любимую женщину — Анны в церкви не было. Мне уже становилось не по себе среди этого странного сочетания торжественной панихиды с радостным возбуждением, и я решил выйти за ней на улицу.

— Аня! Где ты?

Тишина сгустилась.

— Аня!

— Анатолий Николаевич, я перед отпуском посмотрела реестр зарегистрированных памятников в том районе! Этот монастырь посреди леса меня так привлёк! И я попросила местного лесника провести до места. Вы бы это видели!

Показывала начальнику фотографии на планшете: посреди тёмного хвойного леса стояла маленькая кирпичная церковь. Луч солнца пробивался через кроны и контрсвет создавал эффект сияния, словно руина имела золотую ауру.

— Я знаю, Анна, что ты очень хорошо фотографируешь! — однако он уже попал под волшебное обаяние затерянного монастыря. Необычный кирпичный куполок имел совсем небольшой пробел, пустой проем центральных дверей зиял темнотой. — Напомни, что по реестру?

— Комплекс Ракитинского женского монастыря, первая половина шестнадцатого века!

— Ну, тогда это более позднее строение, слишком хорошая сохранность для заброшки.

— Давайте выяснять!

— Анечка, список реестра дотянется до МКС, если распечатать и склеить.

— Анатолий Николаич, там же не только эта церковь, там руины десятков зданий! Да, стены сохранились на высоту до колена, но под завалами много чего может быть! Монастырь в лесу, а потому его не растащили по кирпичу — там бурелом — не проедешь.

Директор что-то посмотрел в своих планах и ответил:

— Дам тебе неделю за свой счет, возьмёшь Пашу и Олега, набросаете приблизительный опорный план, как обычно. Доложишься на планёрке и решим.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! Я чувствую, что место непростое! Меня прямо тянет туда как магнитом!

Через месяц наша святая троица представила предварительные наброски — огромный комплекс на берегу озера в случае реставрации мог превратиться в жемчужину региона. Его местоположение — дать толчок для развития туризма: реставрация церкви, размещение в сопутствующих зданиях гостиницы, санатория, музея и множество других возможностей. Мы и в архивах кое-что нашли: согласно данным РПЦ, монастырь был основан в начале шестнадцатого века — времени активного освоения севера Руси к западу от Новгорода, а заброшен был сразу после революции. Три века могли дать множество археологических находок, учитывая нахождение вдали от больших населенных пунктов была надежда на то, что тотального разграбления не было.

Мнения разделились фифти-фифти, а потому начальник сказал:

— Если археологи решат, что есть смысл — тогда внесём в план. Позвоню Виктору, но пойдешь к нему сама. Археологи парни своеобразные, сама там... глазками постреляй. Убедишь — карты в руки.

И я поехала в институт археологии.

Виктор Петрович, как и все начальники, изображал скепсис. Хотя, учитывая сколько объектов он видел, скорее, не испытывал иллюзий. По внутреннему вызвал начальника группы. Этот мужчина, Сергей Анатольевич, тоже выражал полное отсутствие мотивации. В моем представлении он был даже слишком стильно одет для сотрудника НИИ, производил впечатление очень воспитанного человека, но с каким-то скучающим равнодушием в глазах. И за глаза я повесила на него ярлык Герой нашего времени.

— Вы просто не хотите за МКАД выезжать? — съязвила я, зная слабое место москвичей. Это была последняя надежда пробить оборону. Скучающий лермонтовский герой улыбнулся:

— Я из Питера.

— Надо же! Я тоже! — от неожиданности удивилась так, что даже забыла расстроиться, что манёвр не сработал.

Наверное, он впервые взглянул мне в лицо, если не считать того короткого мазка, которым прошелся по мне, входя в кабинет своего начальника. А последний подал голос:

— Вот и отлично! Поужинаете вместе, все обговорите, и ты мне завтра доложишь! — обратился к подчинённому. Не понятно было, чего он добивался больше: выпереть меня из своего кабинета или устроить свидание подопечному. Сергей Анатольевич подумал, вздохнул, хлопнул себя по колену и сказал:

— Идёт! Если барышня не против? — вопрос был задан мне.

— Барышня пьет красное сухое и предпочитает театр кинотеатру, — ответила я под дружный смешок двух археологов.

Кафе-ресторан было битком набито, что и не удивительно в пятницу вечером в центре города. Мы заняли маленький столик в углу. Я часто бывал здесь, потому что жил рядом. Знакомый официант кивнул, и это не осталось незамеченным. Уже приготовился парировать какую-нибудь колкость в свой адрес, но Анна промолчала. В центре зала за составленными столами гудел чей-то юбилей. Заказал бутылку вина, а спутница углубилась в обширное меню.

— Я и сам любитель хорошего вина, — улыбнулся ей.

Беседа, естественно, сначала зашла об объекте.

— Итак, что же Вас так заинтересовало, Анечка? Можно мне Вас так называть?

— Да, пожалуйста, Сергей Владимирович.

— Просто Сергей — я не настолько стар, как может показаться.

Она посмотрела на меня спокойно.

— Я не стану упрекать Вас в кокетстве только потому, что вы не дама почтенного возраста, — отметила она иронично. А девочка не глупа!

— И все же давай на ты, мы не на планерке.

— Начну издалека, — мы оба рассмеялись, — Если правда начало шестнадцатого века, то все постройки из кирпича — само по себе необычно. Монастырь небольшой и неизвестный, значит небогатый. А в то время и в городах церкви деревянные горели по три раза за век.

— Это может быть просто более поздняя застройка!

— Тебе же сообщили, что моя специализация история архитектуры? — опять подколола она. — А без раскопок и анализов мы этого не узнаем! Звала бы я вас, если бы можно силами собственной группы обойтись!

— Принято! Ещё что?

— Комплекс огромный! Там, помимо этой церкви, есть руины большого собора, много построек внутри замкнутого контура — монастырское подворье, а еще за ним на километр почти идут цоколи из валуна и кирпича! Я даже в одном месте приподняла мох, чтобы рассмотреть. Десятки, если не сотни зданий!

— Ооо, я думал ты тащишь меня покопаться на руинах церкви, а на самом деле хочешь подsunуть гектары, — уже веселился я.

— Идеально ровная линия застройки! Красные линии позднего средневековья!

— Ты же понимаешь, что вряд ли это старая застройка?

— Возможно, нет смысла спорить голословно. А ещё в лесу недалеко есть заболоченное место, почти прямоугольное, рукотворные пруды, — не унималась воодушевленная девушка. Увлечённая!

— И что?

— Пруды на берегу озера?

Я думал.

— Выработка, возможно.

— Вот видишь, рассуждаешь! — поддела она меня. — Возможно карьер, глина или песок, значит собственное производство кирпича, что и объясняет обширное строительство из него в глуши.

— Ещё никто меня не обвинял в том, что я плохо рассуждаю. Обычно упрекают обратным.

— Я не обязана нести ответственность за всех дураков. Их слишком много.

Теперь я от души рассмеялся. Принесли ужин.

— А почему ты вообще выбрала именно эту специализацию? — продолжал ни к чему не обязывающую светскую беседу.

— Совместила два увлечения: собственно архитектуру и реконструкцию.

— О! И что мы реконструируем?

— К сожалению, Мы реконструировали! Новгород одиннадцатый-тринадцатый.

— Ну конечно!

— Ну конечно!

— Клуб?

— Да, но давно. В школе. Далеко от дома был, так что к выпускным пришлось бросить. Теперь я реально заинтересовался и попросил планшет, ещё раз пролистать фотоотчет.

— Ещё доводы есть? — спросил, не поднимая глаз от фото церкви.

— Глушь! Будь он возле города, давно бы черные археологи покопались.

— Возможно ты и права, Аня. Завтра посмотрим с Виктором, что по календарю. Может и скатаюсь на неделю, оценить на месте.

— Какой хитрый! Я вот пол отпуска комаров кормила!

— Охота пуще неволи, говорят.

И мы продолжили ужинать и болтать уже более расслабленно, а не как противники на ринге: о всяких странностях, об истории в целом, о жизни и работе.

Я смотрел на неё. Такая милая, красивая даже, но не так, как мои шикарные подруги. Она ухоженная: чистая кожа, почти полное отсутствие косметики, длинные блестящие волосы, французский маникюр. А на руке несколько довольно свежих царапин, видимо следы командировки в еловый лес. Ничего вызывающего и яркого. Всё в её внешности было в меру. Спокойно разговаривает, ни одной наигранной паузы; улыбается натурально, а не дежурно. Внимательно слушает. Ни одного вопроса вроде «А почему ты не на машине?» или «И сколько сейчас зарабатывают историки?». Не было кокетства. Она очень просто общалась, но и дистанцию держала. Я даже закинул удочку, скорее проверяя по привычке — и был вежливо, но чётко поставлен на место. Без жеманства.

— Я понятливый!

— Это очень хорошо! Мне нравятся понятливые мужчины.

А вот как человек она явно была очень интересная! Когда я проводил Аню и возвращался домой, то чувствовал себя как юнец, на душе было легко и тепло. Как после первого в жизни свидания. Давно забытое чувство.

Молодая коллега убедила-таки меня, и Виктор выписал мне командировку на неделю, выделив двух копарей — для предварительной оценки перспективности этого объекта. Анна тоже ехала с парой своих геодезистов. Без снятия верхнего культурного слоя нельзя было делать точных обмеров, а снимать культурный слой должны археологи. До совместного выезда была почти неделя и мы ещё успели сходить в театр и пару раз выпить кофе. Я отдавал себе отчёт в том, что увлекся.

Это погружение создавало особо романтическое настроение: мы с парнями посоветовались ещё в Москве, решили потряхнуть стариной и организовать недельный поход с раскопками, как в годы студенчества. Собрали рюкзаки, палатки, захватили гитару. Анна ещё раз удивила меня: когда наши группы сотрудничающих институтов встретились на вокзале, то оказалось, что они тоже походники. Не то чтобы я тешил надежды откопать что-то действительно стоящее, но выбраться на недельку загород, не отрывая эту неделю от отпуска, было очень заманчиво.

Мы стали сезонным событием районного масштаба, и почти до места нас довезли на пазике лесхоза.

Подходя к церкви, я в полной мере понял Анну — все говорило о том, что это место хранило тайны! Пройдя ещё пару сотен метров мы вышли на небольшой полуостров, шириной около ста метров, с трёх сторон окружённый водой и поставили лагерь здесь, потому что темно. Ужинали у костра, травили байки со студенческих лет и командировок, пели песни.

На следующий день погрузились в работу. Объект действительно был огромный! Помимо почти целой кирпичной церкви и развалин большого трехапсидного храма, Анна, явно облазившая тут все и не раз, показала руины у дороги, руины посада при монастыре и те самые странные пруды ещё в километре на север от нашего лагеря. Мы решили сделать несколько шурфов: тут же пошла керамика, подковы, предметы быта, куча битого кирпича, интересные печные изразцы. Перетерев между собой, мы с Аней пошли ближе к поселку — на чудесном объекте не было связи.

— Виктор, день добрый. Не обманула нас коллега! Лидар бы сюда, территория самое малое квадратный километр... Понял.

— Что? — нетерпеливо спросила.

— Не так-то просто — расписан на год вперед. Что и предполагалось.

Она задумалась.

— Я думала об этом. Если не выделяют — поговорила с частной фирмой. Сейчас позвоню им. Даже оплачу сама, лишь бы быстрее.

И через четверть часа мы топали в лесхоз, выяснять где взять вертолёт.

— Ань, ты как девчонка нетерпеливая.

— Серёж, ты не поверишь! Сама себя не узнаю. Вроде всегда такая размеренная была. Степенная! — оправдывалась она, а в глазах полыхал пожар.

— Ты мне нравишься вся такая разнообразная.

С высоты не было видно ничего — кроны деревьев плотно смыкались, не оставляя ни прорехи. Но на экране чётко были видны прямоугольники, выстроившиеся правильными рядами.

— Это наш Тикаль! — сияла Анна, и я был с ней согласен. Лидар показывал много того, чего с земли мы не видели: несколько прямоугольных прудов, круглое сооружение недалеко от них, боковые улицы, сохранившиеся хуже центральной, и ещё три строения явно в стороне от остальных построек.

— На обработку результатов уйдет пару недель, извините, никак не могу раньше. Завал просто! — объяснил оператор уже на земле.

Поцарапанные и искусанные комарами, но невероятно довольные, мы вернулись в Москву. То, что раскопкам быть, было уже однозначно ясно, вопрос только в согласовании сроков. А пока небольшое сообщество влюбленных в лесной монастырь вынужденно вернулось к текущим проектам.

Наши с Анной отношения стремительно развивались, сначала мы встречались почти каждый вечер после работы, а через месяц предложил переехать ко мне, потому что это было ближе к работе нам обоим. Общие темы не переводились: мы говорили о профессиональных тонкостях, теории театра, исторических загадках, геополитике, психологии, перемежая это бытовыми мелочами и по ходу дела выясняя кому, что и как нравится.

Как только прислали план с лидара и подтвердился масштаб находки, объект перешёл в приоритетные. В августе мы уже снова пели песни у костра на облюбованном полуострове. Только теперь нас было не шестеро, а больше двух десятков, возбужденных и вооруженных всевозможным оборудованием, с компанией разношерстных волонтеров.

Архитекторы активно снимали дерн и сплошное одеяло мха, обнажая ровные ряды кирпичных поколей, измеряя чистовые размеры и расстояния в свету.

— Этого не может быть, Сергей, все строго параллельно. В шестнадцатом веке не так строили! Пусть это будет здесь! Плюх! А это здесь — плюх! — изображала она причину хаотического расположения зданий во всех известных монастырях и исторических центрах. — Может это правда новьё?

— Ты что, разочаровалась, девочка моя? Культурные слои подтверждают как раз твои первоначальные гипотезы!

— Ты не понимаешь, — она зашептала заговорщицки, — между домами шесть метров! Не точное количество шагов, ни локтей, ни сажень, будь они не ладны! Ты кирпич-то сам видел!

Кирпич и правда был странный, размером со стандартный отечественный, только плоский, больше напоминающий римскую плинфу.

— Ну ты же знаешь, что стандарта не было, каждый лепил кто во что горазд. Почему-то они лепили такой, — не знаю кого я уговаривал, ее или себя. Мы уже нашли остатки печей для обжига: судя по всему, для кирпича, и отдельно более маленькую гончарную. В завалах

попадалось много битой черепицы, что совсем не традиционно для этих мест в целом, значит производство было свое.

— Меня уже напрягает эта правильность! Тебе не кажется странным, что такой не рядовой для своей эпохи объект не стал знаменитым?

— Согласен, милая, много странностей, но пока находки плюс-минус укладываются в период. Мы нашли новгородскую денгу. Знаешь, что это значит?

— До денежной реформы, — подытожила она и замолчала, напряженно что-то обдумывая.

Ещё через пару дней окончательно расчистили мощение пола церкви — отбитое от стен кантом в два ряда кирпича и ёлочкой по центру. Алтарная зона была поднята на две ступеньки — это привлекло внимание и проверили георадаром — под полом у южной стены явно располагалась камера.

— У алтаря обычно располагается захоронение важных персон, основателя монастыря, например, — сказал Олег. — Или представителей царской семьи, если закончил жизнь в монастыре, — дополнил версию.

Обсуждали жарко — кирпичное мощение не имело следов ремонта, что оставляло надежду на нетронутость захоронения. Основной храм явно был разграблен — там было полно обломков кирпича и вывернутые из пола каменные плиты с выгравированными именами и годами — все могилы были осквернены. Эта малюсенькая церковка скромностью своей, кажется, не возбудила ничего интереса.

— Захоронение почетное! Надо извещать епархию и получать разрешения. А пока оставлять охрану.

— Группа остаётся дежурить у котелка! Тут копать-не перекопать! — смеялись над нами ребята. — А вы пока можете и к начальству съездить, коли соскучились.

Мы переглянулись — это лето прошло в метаниях между цивилизацией в её крайнем выражении — Москвой, и глухим лесом Новгородской области.

Изложив начальнику суть дела, я решил выбить хоть пару недель отпуска:

— Виктор Петрович, если дадите мне съездить к родителям, можете стать свидетелем небывалого события!

— Женишься что ли?

— Могу! — сказал я, и впервые в жизни от этой шутки внутри разлилось уютное тепло.

— Давно пора, Серёга. Сколько можно болтаться как неприкаянный!

Начальники созвонились, и мы Аней поехали в Питер — город детства обоих.

В Питере мы жили каждый у своих родителей, и я осознал, что отчаянно скучаю. Мои родители старательно скрывали счастливые улыбки в надежде, что сын наконец-то остепенится. Но проблема была не в моем нраве, а в том, что мне не везло встретить своего человека. Я бы и рад был завести серьезные отношения и даже семью, просто все мне казалось мелким и поверхностным, и после пары неудачных отношений, просто забил. Анна заставила чувства встрепенуться. В свои тридцать восемь я снова водил молодую женщину на свидания: в театры, музеи, парки. Мы ездили по знаменитым пригородам, рассматривая в деталях дворцы, плавали на катере по Неве — короче, вели себя как московские туристы.

В один из дней завел Анну в ювелирку, и мы выбрали колечко для помолвки — тоненькое из белого золота с небольшим бриллиантом — я не давал себе права на попятный. Выйдя из магазина сделали селфи, и Аня позвонила родителям:

— Мама, ничего не готовь, мы заедем чай попить. Я хочу вам кое-кого представить.

Через час, к нашему приезду стол ломился, как мы и предполагали. А на следующий день история повторилась, но уже с моими родителями. На третий день мы познакомили чуть ли не рыдающих от счастья родителей, правда уже заказали столик в ресторане. Меня не покидало ощущение сказочности происходящего.

Две недели пролетели стремительно! Мы вернулись на работу. Разрешение на вскрытие захоронения было получено — снова выехали в Хвойное.

Ехали в купе, Анна разложила планы, и мы обсуждали рабочие мелочи, пытаясь вернуть мысли в строй. Я испытывал кайф от сплочающего нас исследования: мы вместе жили, вместе работали, наносили пометки на общий чертеж, дышали одной идеей — это было то, о чем я всегда мечтал — прорасти в друг друга, а не быть декорациями в жизни партнёра.

— Вот здесь — за малой церковью — это должен быть дом настоятельницы. Надо там поискать, почему-то мы до сих пор обходили его стороной.

— Увлёклись обширным посадом и реконструкцией средневекового производства. Церковь и Собор — основные монастырские строения, — перечислял я отмазки. — Да мы всего три месяца там работаем, а скоро уже и снег выпадет, это же север. Весной продолжим.

Следующие дни после вскрытия погребальной камеры превратились в кошмар.

Аня пропала. Вот пять минут назад стояла позади меня и вдруг исчезла без следа. На полу церкви лежал оброненный мобильник. Приехал начальник лейтенантика, что присутствовал при эксгумации, лениво что-то расспрашивая и записывая. Я бегал по руинам, звал, заглядывал во все ямы и углубления. В конце концов парни вызвали мне скорую. Уснул я под капельницей в местной амбулатории.

Ещё два дня торчал в Хвойной, хотя мне давно нечего было там делать. Следователь — молодой, уставший, с вечной сигаретой в руке — принял у меня показания в первый же день, а потом при каждой новой встрече смотрел на меня так, будто ждал, что я вот-вот сознаюсь в чём-то. Я его не винил, понимая, что в первую очередь подозревают близкого и последнего.

— Гражданин Соколов, вы можете возвращаться в Москву. Мы с вами на связи, — сказал он, и в этой вежливой формулировке ясно читалось: не мешайтесь.

Гроб, предположительно настоятельницы, тем временем обмерили, сфотографировали со всех сторон, упаковали и увезли в Москву. Обрато я ехал в плацкарте, потому что все купе были заняты, и всю дорогу смотрел в ночное окно, не видя ничего, кроме собственного отражения на фоне темноты. Телефон доставал каждые двадцать минут, просто по привычке, которая ещё не успела умереть.

Дома я первые два дня толком не соображал. Виктор Петрович звонил каждый день, а на третий не выдержал и приехал сам.

— Хватит киснуть в четырёх стенах. Завтра в девять жду в институте, — сказал он тоном, не терпящим возражений. — Дома одному сидеть нельзя.

Я не спорил. Не потому что рвался работать, а потому что спорить не было сил.

На работе меня встретили с той особой, преувеличенно бережной интонацией, какой говорят с человеком, у которого случилось горе, но никто толком не знает, как это горе называть. Невеста? Слово звучало оскорбительно мало.

Я честно пытался работать.

Пока археологи увлеченно расковыривали то, что еще оставалось целым, а именно клинкерный пол церкви, я рассматривала участок кладки. Нет, я не думала о нем. Думала о течении

времени, о том, что даже после целой эпохи остается груда кирпича да какая-нибудь записулька на дне архива, которую еще найди попробуй! А после простого человека и вообще ничего.

Обязательное присутствие батюшки на эксгумации добавило театральности — он размахивал кадиллом и торжественно напевал что-то. Я глубоко задумалась и перестала следить за происходящим. Когда все возбужденно загомонили, повернувшись лицом к месту основного действия — готовились приоткрыть гроб. Сергей оглянулся на меня на мгновение, мы улыбнулись друг другу, и он вернулся к работе. В этот момент тело так тряхнуло, словно меня автобус сбил. От толчка выронила телефон. В глазах потемнело, голова сильно закружилась. В следующую минуту я стояла, рассеянно хлопая глазами — действительно было намного темнее — вокруг был глухой еловый лес.

Я моргнула до цветных пятен в глазах. Лес не исчез.

— Так, — сказала я вслух, и звук собственного голоса в полнейшей тишине напугал меня. — Так. Спокойно.

Спокойно не получалось. Я развернулась на месте — раз, другой, — ища хоть что-то знакомое: кирпичные стены, попа, желтую каску какого-нибудь работника... Ничего. Только темный еловый лес, под полог которого едва проникает свет тусклого октябрьского солнца. Пропали, еще мгновение назад окружавшие меня, голоса и панихида — тот фоновый гул, который не замечаешь, пока он не исчезнет. Стояла плотная, почти осязаемая тишина.

Руки задрожали. Я посмотрела на свои ладони, будто искала в них ответ.

— Это не может... — начала и не закончила фразу, потому что закончить её было нечем.

Паника поднималась снизу живота, знакомая, как перед экзаменом, только в тысячу раз сильнее. Сердце заколотилось так, что его стук стало слышно в ушах. Я сделала шаг вперед, потом ещё один — просто чтобы двигаться, чтобы тело делало хоть что-то, пока голова отказывалась работать.

— Ребята! — крикнула я, и голос сорвался на середине слова. — Кто-нибудь!

Эхо не ответило — звук просто утонул среди стволов, будто лес его проглотил.

Те мысли, что сами лезли в голову, гнала!

Я села — просто опустилась на мокрую хвою, потому что ноги отказались держать. Обхватила колени руками.

— Не может быть, — прошептала я в этот раз тише, уже не пытаясь докричаться до кого-то. — Не может быть. Не может быть.

Лес молчал. Где-то очень высоко ветер тронул верхушки елей, и они качнулись все разом, тяжело и медленно, как будто у леса было своё, отдельное, безразличное ко мне дыхание.

Платье на попе быстро промокло от влажной подстилки. Я подскочила. Тело дрожало мелкой дрожью, зубы стучали, мозг совершенно не контролировал тело — нервный шок.

— Сергей! — заорала почти истерически в тишину леса. И снова безответно.

Я начала рыдать — звук то вырывался, то тонул в груди — захлёбывалась плачем. Покрутившись на одном месте и совершенно утратив ориентацию, просто пошла прямо перед собой. Никаких ориентиров в однообразном лесу не было. Я то тихо шла, озираясь, то переходила на бег. Пробежав двадцать-тридцать шагов останавливалась, потому что нервный спазм сжимал желудок.

Пробежала ещё немного вперед, на свет, и вышла на берег Ракитинского озера — передо мной среди глади воды лежал Большой остров. Я была на полуострове. Собственно, где и располагался монастырь. Вот только у меня за спиной были не руины, а лес.

Развернулась и пошла в обратную сторону, через полуостров к дороге. Как и ожидала вскоре увидела просвет среди деревьев — через лес шла грунтовая дорога — две глубокие колеи в подмерзающей грязи. Какая-то внутренняя осторожность не позволила мне выскочить на дорогу. Я встала за толстым деревом, переводя дыхание и пытаясь усмирить сердце — оно колотилось так сильно, что, казалось, физически бьётся о ребра.

И не зря я замерла! Через несколько минут в поле зрения показалась группка людей в темных одеждах. Они медленно брели по дороге.

Группа из дюжины человек, в зипунах, с котомками и узелками за плечами, растянулась по дороге. Впереди медленно шли двое крепких мужчин средних лет с палками в руках. Ещё несколько пар, мужских и женских, шли следом, все в сильно поношенной и заплатанной одежде. Поодаль, явно отставая от группы, брела старуха.

Паломники! Как с картины какого-нибудь художника-передвижника.

Сердце, минуту назад грозившееся пробить ребра, замерло совсем, я буквально обмерла. Все было слишком невероятным и невероятно реальным одновременно. Но сгущались сумерки, в лесу было уже совсем темно — короткий день подходил к концу. Этот ужасный день! Но оставаться в лесу одной не имело никакого смысла. Я быстро оглядела себя.

По счастливой случайности сегодня на мне было чёрное платье в пол — хоть и не была верующей, но на вскрытие могилы настоятельницы монастыря иная одежда никак не подходила. Зимние сапоги и дублёнка из овчины, длинный и широкий вязаный шарф и варежки дополняли гардероб — на севере к середине октября погода могла быть почти зимней. Подтверждая мою правоту, в воздухе закружились первые мелкие снежинки. Я быстро соображала: косметики нет, глаза немного подведены — пальцами прошлась по векам, стирая остатки контура; серьги и кольцо быстро сняла и убрала на дно сумки. Сумка! Осмотрела свою не-котомку: большой кожаный мешок на длинной ручке. Несколько металлических заклёпок. Надела сумку через плечо, наискосок, прикрыла концом шарфа. Быстро заплела тугую косу. Намотала шарф вокруг лица и шеи. Выдохнула, перекрестилась, чтобы привыкнуть к этому жесту, и медленно пошла к дороге.

Даже отстававшая старуха была уже в сотне метров впереди. Я молча шла за ними. На дороге было светлее чем в лесу, поэтому путники пока не останавливались. Бабулька впереди меня уже едва ковыляла, часто останавливалась, может надеялась, что группа встанет-таки на ночлег и появится возможность догнать её.

Я судорожно вспоминала из истории, все что мне могло пригодиться. Не понимая, куда попала, опасно было даже креститься — вдруг пальцы не так сложу, да не туда посмотрю, да и текста ни одной молитвы наизусть не знала. Единственно, как добрая половина россиян моего возраста, я была крещеной ещё в детстве, скорее, как дань моде, и под платьем носила маленький серебряный крестик. На этом мои взаимоотношения с религией заканчивались. Их всего этого выходило, что мне стоило помалкивать и смотреть, ловя каждое движение и слово случайных попутчиков. А там может хоть как-то сориентируюсь.

Прибавила шаг, догоняя старушку. Когда была в шаге позади неё, она обернулась на звук, я смущённо улыбнулась, потупила глаза и молча подставила ей локоть — предложила опору. Бабулька, явно едва державшаяся на ногах, быстро переложил посошок в левую, а правой вцепилась в мой рукав. Она что-то бормотала едва слышно, слов не разобрать. Теперь мы с ней двигались в связке, очень медленно, но всё же быстрее чем она сама — получив неожиданную поддержку, старуха воспряла духом. Ведущие мужики оглянулись пару раз, и остановились, ожидая, когда группа подтянется. Пришло время останавливаться на ночлег.

Наконец-то до меня начало доходить происходящее, горе надавило, слёзы полились ручьями. В таком состоянии я и подошла к остальным: зарёванная до зелёных соплей и с висящей на локте мертвой хваткой, совсем ослабшей бабкой. Все уже занимались делами, пару женщин собирали хворост, мужичок в штопанном-перештопанном кафтане рубил дрова, остальные готовили костры, доставали из котомок скудный скарб — котелок, завёрнутый в тряпицы хлеб и ещё что-то. Оглядевшись сквозь пелену слёз, я повела бабушку к поваленному стволу, на котором как на скамье уже сидело несколько человек. Видела плохо, в голове шумело, а

потому села молча рядом с бабкой, продолжавшей цепляться за меня — грела руки у меня в подмышке, наверное. Никто ничего не спрашивал, все были уставшими, погруженными в свои мысли, может пару раз глянули молча мужики, ставшие главными в этом стихийном объединении людей.

Я понимала, что убиваться своим горем мне некогда, силой воли отодвинула его на фоновый слой сознания, и начала из-под ресниц присматриваться к своим случайным попутчикам. Мне было необходимо понять где и когда я очутилась. К сожалению, все молчали. Люди были измождены многодневной дорогой.

Бабка, все ещё не выпуская меня, прошамкала:

— Куда путь-то держишь, милыя... одна ли — она подождала ответа, не дождалась, спросила снова, тише: — Издалёка ли идёшь?

Я молчала — любое слово могло выдать меня с головой: не тот говор, не те обороты речи, не то обращение. Я только качнула головой — неопределённо, что могло сойти и за «да», и за «нет», и просто кивнула на дорогу впереди, будто отвечая: туда, куда и все.

— Немая, что ли... — старуха вздохнула не то с жалостью, не то с пониманием, и больше вопросов не задавала, только ещё крепче прижалась.

У костра, когда нас наконец-то позвали поесть, вопросы посыпались снова — не ко мне напрямую, скорее вокруг меня, между собой, но так, что я всё слышала. Одна из женщин, не зло, скорее с любопытством, доставая из своего узла свёрток, спросила: — Одна шла аль с кем?

Я снова промолчала, опустил глаза, и, кажется, это молчание сработало лучше любых слов — женщина не стала настаивать, только покачала головой и протянула мне сухарь.

— На, погрызи. Путь долгий, а ты, гляжу, налегке совсем.

Я взяла — руки дрожали.

— У каждого свое горе, — вполголоса сказал один из мужчин, ни к кому конкретно не обращаясь.

Меня оставили в покое. И каким-то древним, звериным чутьём, я поняла — молчание здесь не вызывает подозрения. Здесь у молчания было готовое объяснение, вложенное заранее в саму эту эпоху: горе, потрясение, обет, немота — было из чего выбрать, и никто не требовал уточнений. Я сидела, сжимая в кулаке сухарь, который не решалась откусить.

Костры разгорелись быстро — валежника вокруг хватало, а мужчины знали своё дело: ветки, уложенные шалашиком, давали высокое пламя. От него веяло живым теплом, и я впервые за весь этот невыносимый день почувствовала, что тело хоть немного отогревается. Кто-то принёс воды, и на треноге, сооружённой из трёх связанных веревкой палок, повесили варить что-то жидкое.

— Господи, благослови! — сказал старший и перекрестился. Все повторили, кто молча, кто шепча что-то беззвучно. Я повторяла движения, ещё ниже склонив голову, но быстро осматривая группу из-под век.

Разливали по очереди, но у меня не было ни плошки, ни кружки. Старуха, похлебав, протянула мне свою миску. Я молча покачала головой — не была уверена, что смогу удержать в себе горячее, если проглочу. Сухарь так и лежал у меня в кулаке.

Спать укладывались тут же, между двух костров, в которые уже засунули по целому бревну. Просто расстилали на мёрзлую землю то, что было: войлочную подстилку, охапки лапника. Мужчины устроились с одной стороны, женщины и старуха — с другой, ближе к огню; мне досталось место с краю, и я продолжила греть старуху, теперь со спины.

Никто не разговаривал. Только потрескивал огонь, да изредка кто-то ворочался, кашлял, а один из мужчин, что помоложе, так и остался сидеть у огня — подкидывал ветки, следил, чтобы не погасли костры и прислушивался к темноте за пределами света. Волки? Лихие люди? И то, и другое было реальной опасностью.

Я лежала без сна, глядя на беззвездный клочок неба между вершинами вековых елей. По щекам продолжали течь бесконечные слезы. Не помню, когда заснула. Сон пришёл оттого, что тело, вымотанное страхом и слезами, просто отказалось бодрствовать дальше — наверное, так засыпают солдаты под артобстрелом, когда усталость оказывается сильнее ужаса.

Проснулась резко и от того, что все вокруг зашевелились. Голова была тяжёлая. Ещё не рассвело толком — небо только-только начало сереть над кронами, — а люди уже поднимались, кряхтя и потягиваясь, и один за другим опускались на колени, повернувшись туда, где небо чуть заметно светлело сквозь стволы.

Я встала на колени вместе со всеми, стараясь ничем не выделяться. Слов не было — только шёпот, слишком тихий и слишком быстрый, чтобы разобрать, — и общий, чуть покачивающийся ритм поклонов, которому я старалась следовать, следя краем глаза, не поднимая головы.

Собрались быстро — свернули войлок, затоптали кострище, разобрали немудрёный скарб по котомкам. Никто не завтракал. Тронулись в путь ещё в сумерках. Я снова взяла старуху под руку, и мы побрели в хвосте растянувшейся вереницы, постепенно отставая от основной группы, как и накануне.

Часа через два, а может, и больше — я потеряла счёт времени, ориентируясь только на то, что зимнее солнце, невидимое за тучами, поднялось чуть выше, — мне отчаянно захотелось в лес. Я замешкалась, не зная, как объяснить это без единого слова, и просто мягко сняла руку старухи со своего локтя, показав кивком на подлесок в стороне от дороги. Старуха закивала понятливо и осталась брести дальше одна. Молодая, нагоню быстро.

Я отошла в чащу, стараясь не терять из виду просвет дороги, а, возвращаясь, заметила низкие, уже тронутые первыми заморозками кустики брусники. Не удержалась и нарвала, сама не зная зачем — просто чтобы руки были заняты чем-то знакомым. И заторопилась обратно на дорогу. Догнала бабулю, снова подставила локоть. Старуха не удивилась, будто так и должно было быть.

Сделали несколько привалов — недолгих, минут десять, без костра, прямо на обочине, кто на поваленных деревьях, кто на собственных котомках, вытягивали уставшие ноги и сидели молча, экономя и силы, и время. Потом снова молча шли.

К обеду вошли в деревню.

Деревня навскидку в семь-восемь дворов. Слышался звук наковальни — значит в деревне есть свой кузнец — однозначно не самая маленькая. Тёмные срубы, низкие на мой взгляд — я только сейчас поняла, что выше большинства людей в нашей группе. Оконца, затянутые чем-то, видимо, это и есть пресловутый бычий пузырь. Везде курился сизый дымок, не поднимаясь ввысь — морозец был слабый. Ни одной настоящей улицы в привычном смысле — скорее утоптанное пространство между избами, где вместо мостовой была смёрзшаяся, ещё недавно изрытая колеями и следами скотины, земля. Где-то в глубине дворов мычали коровы, твкали невидимые собаки, почуяв чужих.

Паломники у околицы оживились, как люди, знающие заведённый порядок. Двое-трое сразу пошли к ближайшим избам, стучались в ворота, заговорили с кем-то, показавшимся на пороге, — коротко, буднично, явно не в первый раз в жизни. Кто-то уже скрылся внутри одного из дворов, кто-то договаривался у соседнего забора. Никто не суетился, не просил подолгу — видно было, что процедура эта отработана десятилетиями страннической жизни: постучать, назваться, попроситься на ночлег, получить либо кров, либо от ворот поворот, и идти дальше, к соседнему двору.

Я не знала нужных слов. Не знала, как это вообще делается, а главное, любой звук, вырвавшийся из меня, мог выдать меня с головой. Молчание, спасавшее меня эти дни на дороге, здесь вдруг оказалось бесполезным. Старуха, с которой я весь день шла в связке, уже ковыляла к какой-то избе, о чём-то переговариваясь с хозяйкой, вышедшей на крыльцо, и, кажется, забыла обо мне, едва почуяв близкий ночлег. Так я и стояла одна посреди этой утоптанной проплешины, и понимала совершенно отчётливо: если сейчас просто буду молчать и ждать, меня либо не заметят, либо, наоборот, привлеку много внимания — а ни то, ни другое не сулило ничего хорошего. Но к счастью, старуха не забыла обо мне — я, бедная, попала под ее опеку! Она договорилась с хозяйкой, крепкой женщиной в телогрее, и обо мне. Обе женщины махнули мне следовать за ними.

После темных и низких сеней, натопленный и довольно высокий в потолке пятистенок разморил меня теплом. Не смотря на усилия, я начала терять сознание и сползать по косяку двери. Кто-то подхватил меня в подмышке, крепкие пальцы больно сжали руку, от этого сознание слегка прояснилось. Я даже глаз не повернула, просто послушно пошла туда, куда меня вели. Меня усадили на край скамьи в углу избы. Бабка молилась на иконку в красном углу. Полуобморок спас меня, моя досадная оплошность не была замечена, но впредь стоит быть осторожнее.

Но теперь я также поняла, что меня с интересом рассматривали. В отличие от странников я была очень прилично одета: чёрное шерстяное платье подразумевало мануфактурную окраску — такой насыщенности цвета иначе не добиться. Кожаные сапоги не могли не бросаться в глаза, хотя я, как только села, машинально спрятала ноги под лавку. Дублёнка из овчины была аккуратно сшита, машинными швами. Хотя это можно списать на мастерство, но опять же — дорогая вещь. Шарф и варежки из серого мериноса с пухом, странноваты на грани, но в довершение всего на одной из варежек был собственноручно мною вышитый снегирь. Но хотя бы не джинсы и футболки — я поблагодарила саму себя за любовь к женственным нарядам.

— А ты откуда будешь? — спросила меня хозяйка, пристально разглядывая.

Я подняла на нее лицо и тупо молчала. От шока в эти два дня даже не подумала выдумать себе легенду. Посмотрела в лицо и снова уставилась в пол.

— Немая она, дочка, с нами шла. Не говорит, — в очередной раз спасла меня старуха.

Готовились есть, в избе собиралась вся семья — крупные мужики, и я догадалась что это и есть кузнец, и, наверное, его сыновья. Баба тоже была крупной, в теле, хоть и чуть ниже меня. Может поэтому и сама изба была выше остальных — по хозяину.

Я так и продолжила сидеть в углу. Не знаю, что меня ждёт дальше, надо хотя бы теплом печи напиться. За стол сели только мужики, что-то хлебали из горшка, по запаху щи — пахло хоть отдаленно знакомо. Нас не приглашали, бабка тоже сидела рядом на скамье. В её обязанности странницы входило развлекать хозяев беседой да байками — такая плата за постой!

— Идём мы от Ильмень-озера да на Белое, — начала бабка, обращаясь больше к хозяйке, чем к мужикам, поглощённым щами. — К Кириллову-угоднику на поклон, да мимо вас пешему не миновать, слышали небось.

Хозяйка кивнула, под села ближе, заранее готовясь слушать — видно, гостя с байками была здесь не в новинку и всегда желанна.

— А по дороге чего только не насмотрелась, матушка. В Новом Городе, рассказывают, владыко сам молебен служил — немцев, вишь, опять на рубеже видали, у Острова да Изборска шалят, дома жгут, народ бегмя бежит кто куда. — Бабка покачала головой, поцокала языком. — Слава те Господи, до нас-то далече, а всё сердце неспокойно.

— А ты сама-то откуда родом, бабушка? — спросила хозяйка.

— Сама-то я псковская, да место моё теперь одному Богу ведомо, — вздохнула старуха с той лёгкой, привычной печалью, с какой рассказывают историю, повторённую уже сотню раз на

сотне таких же вечёрок. — Сына схоронила, да невестку с внуками, — помолчала она, потревожив свое горе, — вот и брожу теперь по святым местам, пока ноги носят, грехи замаливаю да чужие слушаю.

Кузнец буркнул что-то одобрительное, не отрываясь от горшка.

— А ещё, матушка, — оживилась бабка, заметив внимание хозяйки, — сказывали мне люди в Новом Городе, будто в одном монастыре под Тверью икона замироточила, да так, что народ отовсюду хлынул. Врать не буду, сама не видала, а люди верные сказывали, крест на том целовали.

— Ох, страсти-то какие, — покачала головой хозяйка, и по её лицу было видно, что рассказ пришёлся ей по душе — то ли от испуга, то ли от удовольствия послушать про чужие чудеса.

Бабка покосилась на меня — быстро, почти незаметно, — и добавила, понизив голос, будто по секрету:

— А эта вот ко мне в пути прибилась, немая, сердечная. Видать, горе великое перенесла, коли слова лишилась.

Хозяйка тоже глянула в мою сторону — на этот раз без прежней подозрительности.

Обед тянулся долго. Бабка говорила и говорила, перескакивая с одной вести на другую — то про урожай в дальних волостях, то про какого-то боярина, что в опалу попал, то про знамение, виденное кем-то в грозовой туче над рекой, — а я сидела в тепле, в углу, слушая её голос и пытаюсь уловить манеру речи.

Но тут один из парней оставил ложку и уставился на меня в упор.

— Слышишь, аль глухая совсем?

Я кивнула — да, слышу.

— А немая взаправду? — не унимался сын кузнеца.

Тут я замерла. Соврать было бы самым простым выходом. Но не смогла. Что-то внутри воспротивилось этой прямой лжи. Вдобавок к совести, голос разума заметил, что можно случайно выдать себя — и я качнула головой: нет. Не немая.

Тишина за столом резко стала гуще. Бабы, переглянулись, и хозяйка, всплеснув руками, выдохнула:

— Обет дала, что ль?

И в этот момент поняла так ясно, словно мне протянули ключ от двери, в которую я боялась постучаться — обет моя легенда! Не немота — увечье, вызывающее жалость, а обет — подвиг, вызывающий уважение! Я не лгала ни единым словом, просто позволяла тишине говорить за меня. Посмотрела на рассматривающих меня, теперь гордо глядя в глаза и не скрывая лица, и кивнула утвердительно.

И в ту же секунду все изменилось — присутствующие посмотрели на меня с уважением, а кузнецов сын опустил глаза, будто устыдившись собственного любопытства.

Мужики поели, встали из-за стола, мимоходом снова осеняя себя крестом. Наступила очередь есть женщинам. Хозяйка плеснула кипятка в полупустой горшок и разлила по мискам жиденькие щи — себе, бабке и мне. Встав со скамейки, я обернулась к образам и перекрестилась, насмотревшись уже на окружающих меня людей. Сделала вид, что прошептала про себя слова молитвы и медленно села за стол. Хозяйка рассматривала меня с огромным интересом. По местным меркам я походила самое малое на заморскую зверушку. Не только одеждой, но и ростом и худобой. Это дома — худая, высокая, русоволосая, с косой до бедра — была этакая картинная русская красавица. А вот в настоящей Руси скорее походила на жука-богомолу.

Мне дали деревянную ложку, и я принялась медленно хлебать варево. Живот наполнялся забытым ощущением теплой сытости. Каким-то шестым чувством понимала, что меня рассматривают не только в лоб, но и кто-то ещё со спины. Хозяйка сунула мне в миску целую горбушку сухого хлеба — старинный способ загущать пустую похлёбку.

— Ешь! Тощая какая! — почти приказала она мне.

Я и не сопротивлялась, надавила на плавающий на поверхности сухарь, чтобы погрузить его в жидкость.

После еды хозяйка повела нас мыться, да и сама с нами — ей нравилось травить байки со старухой, иных развлечений попросту не имелось. Когда на другом конце двора я увидела низкий, черный от копоти сруб, сразу остановилась. Баня! Мозг услужливо подсказал, что на мне нет нательной рубахи, зато есть современное кружевное бельё и шикарная изумрудная комбинация, не доходившая до колен! С женщинами идти нельзя, хотя по традиции мылись все вместе. Я просто отошла в сторону и устало села на огромную колоду для колки дров. Бабка и хозяйка оглянулись на меня и вошли в баню — видимо, снова придумали для меня оправдание. Это было хорошо, ибо сама я ничего придумать не могла — была жива, сидела, ела, двигалась, но сознание было в полукоматозном состоянии. Так и сидела во дворе с час, наверное, замёрзла, но не шевелилась. В конце концов бабы вышли и кивнули мне: типа, иди, болезная.

Помылась очень быстро, почему-то казалось, что за мной подглядывают, хотя окон в срубе не было, просто нервное. Натянув обратно своё платье, решила, что ни в коем случае нельзя его менять на обычную одежду — строгий чёрный подчеркивает вес моего горя. Я начала вживаться в свою новую роль.

Вернувшись в избу, с порога перекрестилась на образа. Не было никого, кроме старухи, дремавшей сидя на скамье, в углу, там, где раньше сидела я. Стояла посреди горницы в полном одиночестве и смотрела на икону. Спас Нерукотворный. Мы с Иисусом смотрели друг на друга. Замысел его отца относительно меня, был мне непонятен. Но тепло дома, еда, само наличие крыши над головой делали своё дело — стресс начал отступать, а я — соображать.

Кузнецы не бедные люди — на полочке под иконой лежала книга, небольшая, в пол листа, но толстая. Я медленно протянула руку — любопытство пересилило.

Это была Псалтырь. Рукописная, писаная полууставом. Прочитав *"Блаже́н муж, и́же не иде на сове́т нечесті́вых..."*, перевернула книгу и открыла последнюю страницу — здесь писцы оставляли колонофоны — записи о том, кто и когда переписал книгу. Имя не разобрала, но шесть тысяч девятьсот семьдесят восьмое лето напрягло, начала судорожно считать — вышло тысяча четыреста семидесятый. Интересно, сколько веков эта книжица передается по наследству в этой семье?

— Грамотная?

Чуть не подпрыгнула от вопроса, неизвестно откуда взявшегося кузнеца. Я медленно положила книгу обратно на полку, давая себе время подумать, что же отвечать. Повернувшись к нему лицом, кивнула положительно: уровень грамотности среди населения всегда был невысок, в лучшем случае буквы знали. Тексты полууставом и уставом читала хорошо, вязь не бегло, но тоже разбирала, а в этой глуши даже читающий с запинками однозначно считался учёным человеком.

— Что ж за горе тако приключилось с тобой, девочка, коли от богатой жизни идёшь вдаль несусветную? — сказал он больше для себя, чем для меня. Но спусковой крючок все равно сработал, и закрыв лицо руками, я разрыдалась. Стараясь плакать беззвучно, выскочила во двор и застыла там, продолжая плакать. Спустя пару минут, справившись немного с эмоциями, растёрла слезы по лицу и опустила руки. Холод вцепился в тело, одетое только в тонкое платье, но мне даже шевелиться не хотелось. Кто-то положил на плечи то ли одеяло, то ли плащ.

— В дом иди, — буркнул сын кузнеца и отошёл. Я ещё постояла, завернувшись в предложенный утеплитель. Ещё один день закончился. Быстро темнело. Вернулась в дом и отказавшись от ужина, легла на скамейку в освободившийся угол.

Проснулась рано, ещё затемно, выспаться не удалось — спать на жёсткой скамейке подложив сумку вместо подушки, то ещё удобство. От этого деревянного ложа тело стало таким же. Я с трудом села.

А мужчины уже сидели за столом и ели кашу. Хозяйка поставила перед ними глиняный кувшин с молоком, и они пили по очереди, передавая его друг другу. Вдруг один из парней встал, пересёк горницу и протянул мне кувшин. Я посмотрела на хозяйку — почему-то мне потребовалось её разрешение, что ли. Она усмехнулась и отвернулась к печи. Я взяла кувшин, слегка кивнула парню в знак благодарности. На мгновение зависла: парное молоко, явно непастеризованное, пахло животным, сеном, навозом и ещё неведомым чем. Но голод не тетка, и я отпила прилично, про себя думая: если сдохну — туда мне и дорога!

Мужчины поднялись и вышли — по хозяйству всегда найдется работа. Хозяйка, оставшись одна, тут же усадила меня за стол и поставила миску с пустой кашей — таким как мы масло не полагалось.

— Твои-то на улице, — сказала она, кивнув на дверь, пока я ела. — Собираются, никак. Бабки нигде не было видно.

Быстренько доев, я вышла на улицу. Утро было морозным, солнце едва пробивалось сквозь дымку. У колодца с журавлём собралась вся группа паломников, гомонившая вполголоса. Обсуждали, идти ли дальше или оставаться на зимовье. Кто-то из мужчин говорил, что до настоящей зимы ещё есть время пройти хоть сколько-то, что грех терять погожие дни. Другие кивали, соглашались — тянуться дальше хотелось всем, это видела по уже собранным котомкам за плечами. Но старуха моя сидела на бревне, и на неё поглядывали с явной неловкостью.

— Куда ей ещё топать, — вполголоса сказала одна из женщин соседке. — Еле дошла. Заморозим бабку на дороге, грех на душу.

Уговаривали её остаться — мягко, но настойчиво. Старуха, впрочем, не особо и упиралась — тепло чужого богатого дома, сытая каша, крыша над головой явно перевешивали в её сердце тягу продолжать путь. Она покивала, вздохнула для виду, но глаза у неё были довольные.

Я стояла чуть в стороне, у высокой деревянной калитки — в здешней глуши, среди лесов, заборы были как стены! Слушая всё это, и понимала, что мне тоже придётся сейчас что-то решить: идти с оставшимися дальше к Кириллову — по всему Кирилло-Белозерскому монастырю, или остаться здесь вместе со старухой. Но одна мысль звучала в голове настойчивее любых расчётов: мне не хотелось уходить далеко от того места, где я оказалась. От озера, от полуострова, от того самого клочка земли, куда меня привело или забросило. Что-то во мне противилось мысли двигаться дальше, в незнакомую глушь, прочь от единственной точки на карте, которая ещё хоть как-то была связана с моим настоящим миром.

Уходить далеко не хотела, но и не понимала, как остаться, можно ли так нагло напрашиваться прожить всю зиму, на севере России это полгода, почитай. И снова судьба распорядилась за меня — из дома вышел кузнец:

— Оставайся, мать. — сказал он старухе, — Прокормим. И ты тоже, — коротко кинул мне.

Попрощался с путниками, благословил их на дорогу, они его и его дом. И тронулись в путь. Я стояла на улице, провожая взглядом быстро удаляющихся людей, до тех пор, пока уже и теней их не стало видно в дымке.

Снова нарисовался сын кузнеца, здоровенный, как и его отец, детина.

— В дом иди! А не то захвораешь! — каждый раз он то ли поучал, то ли приказывал мне. Я отмерла и пошла за ним.

Завидев меня и сына за моей спиной, хозяйка прищурилась, хмыкнула что-то себе под нос — не то неодобрительно, не то предостерегающе, — и больше ничего не сказала. Мне стало жутко неудобно: вот, наверное, это и есть те чувства, которые испытывали приживалки

и нахлебники в серьезной русской литературе, и которое никогда прежде не испытывала я сама. Перекрестилась, прошла в угол, села на скамью, сняла дублёнку. Держа в руках варежку, молча рассматривала снегиря, глядя его пальцем. Одна проблема разрешилась, но возникли другие. Старуха стара, её взяли на постой из жалости. Меня же, молодую, явно как ещё одни рабочие руки. Отчасти, понимала с чем столкнулась, спасибо клубу. Но был целый ряд работ, о которых я только читала, и то в лучшем случае: не умела доить корову, вообще не знала, что делать с животными, с горем пополам умела пользоваться печью и немного готовить в ней, но ловкости в моих движениях явно не будет, а главное — не умела ни прясть, ни ткать — основной женский труд зимними днями.

Видимо налюбовавшись вдоволь моей отрешённостью, Дарья — жена кузнеца, сунула мне под нос кусок грубого полотна и сказала: "Передник себе пошей!" и я тут же ухватила за знакомое мне дело, как за спасательный круг: взяла ткань из ее рук, перекрестилась на икону, благословив сама себя на дело, и открыв сумку, вытащила иглу, вколотую в боковой шов подкладки.

— Надо же, спорая какая! — довольно заключила женщина и отошла.

Полотно было грубым, толстым, естественно самого простого полотняного переплетения: легко вынула для шитья пару ниток с края, а еще несколько вытянула, намечая подгиб. Дарья снова подошла, предложив мне ножницы. Заложив ткань, пригладила ладошкой на коленке — вот такой исторический утюг — и начала сшивать. Шила я аккуратно, полотнянка сама прокладывала ровную линию шва. Бабка и Дарья заворуженно следили за мной.

— Экая искусница! — уже более миролюбиво заметила хозяйка. И я почувствовала, что это впечатление может немного скрасить неумение доить корову. Но и фартук я себе шью явно не чтобы в углу всю зиму просидеть.

Зима пришла быстро — через день после ухода паломников снег повалил и уже не сходил, только прибавлялся, укутывая избы по застрехи. Дни укоротились до нескольких серых часов, а ночи тянулись бесконечно, и жизнь всей семьи сжалась в один тесный, натопленный мир избы. Это было особой пыткой — целый день быть на виду у рассматривающих тебя от скуки и любопытства людей! А особенно такому интроверту как я.

Фартук решил многое. Дарья, придирчиво разглядев мою работу, тут же нашла мне следующее занятие: теперь я чинила и штопала, а справившись и с этим была усажена за шитьё, получив заслуженное постоянное место у малюсенького оконца, где света было чуть больше. Так, довольно быстро, моё присутствие в доме перестало быть милостью и стало даже пользой. И меня не отправляли работать в сараи, что очень радовало. Иногда заходили соседи, поболтать с хозяевами и послушать бесконечные истории бабки Марфы — моей первой проводницы в этом мире, и тогда в полку разглядывающих меня ещё прибавлялось.

Речью я себя выдать не могла, крестилась уже всегда и к месту — привыкла, а за остальными действиями следила. Из разговоров заключила, что сейчас семь тысяч девятый год, а раз ноябрь, то едва начался, и это соответствовало тысяча пятисотому от Рождества Христова. На ум пришло нецензурное слово, кое было отправлено вслед за моей прошлой устроенной жизнью. Так и сидела с чинно-отрешенным взглядом и шила очередную сорочку.

Изба топилась по-черному: пока дым валил через открытую дверь, волоковое оконце и все остальные отверстия, приходилось делать что-нибудь по хозяйству вне дома — стирать, мыть посуду, чесать шерсть — в большом хозяйстве всегда найдутся занятия. В эти пару часов я отдыхала от людей, которых стало в моей жизни слишком много.

В один из дней сделала себе элементарный деревянный утюжок для швов, потому что уже почти стёрла кожу на кисти: выбрала на поленнице толстую ветку какого-то лиственного дерева, расколола надвое и ковырялась, пытаясь топором снять разорванные волокна, за чем

и застал меня хозяин дома. Отобрав у меня заготовку, он пошёл в мастерскую, а я потащила следом. Ермолай ловко загладил поверхность и ещё немного заполировал дерево ветошью, а потом натер воском! Я наблюдала за ним, облокотившись на стену. Наконец он торжественно вручил мне этот немудреный инструмент. Мы молча смотрели друг на друга. За последний месяц я настолько привыкла молчать, что казалось, уже разучилась разговаривать. Поблагодарила одними веками и поплелась к дому. Теперь все швы разглаживала, по-прежнему на собственном бедре, но колодочкой, а не ладошкой.

Подшивая утиральники, то есть полотенца, по краю делала самое простенькое игольное кружево — небольшие зубчики. И вот тут я четко осознала границу между исторической реконструкцией и гипотезой, пусть даже опирающейся на источники: каким-то макаром в клубе мы пришли к тому, что такое кружево было повсеместно известно, видимо притянули на Новгород европейские образцы. И то был тринадцатый век. А уж ещё через два века уж точно есть. Первое подозрение в ошибочности гипотезы закралось, когда Дарья подошла посмотреть, потом села слева и следила за моими действиями. Потом хозяйка оделась и вышла, а вернулась с соседкой.

— Погляди-ко, что за лепота!

Я решила держать лицо, и делать вид что не понимаю, чего все удивляются. Отступить то было поздно. Хорошо, что говорить не надо, но в будущем придется всю свою необычность списывать на происхождение с западного края русских земель — пожалуй, только Псков, и немного Новгород, испытывали значительное влияние ганзейцев, литовцев и немцев. И, уже наслушавшись разговоров, я придумала более-менее правдоподобную легенду: иду из-под Изборска от войны с ливонцами.

Зато теперь за мной закрепилось звание мастерицы, и хозяйка доверила мне шитье праздничной рубахи для нее самой: она запросила и вышивку, и кружево по всем краям.

Все это время я ходила в одном и том же платье!

После какого-то семейного спора шепотом, в который даже не вслушивалась, хозяйка протянула мне старую рубаху. Я отрицательно покачала головой.

— Ступай помойся, да платишко выполощи, — нежно проворковала женщина.

Смысл в ее словах был, я взяла рубаху и простое старое полотенце и пошла в черную баню — не париться, а помыться теплой водой после вчерашнего пара. Впервые за два месяца я вымыла голову и постирала платье. В дом пока не возвращалась, сидела в сенцах, ждала пока волосы хоть немного подсохнут. Чужая рубаха была непривычно широкой и короткой как в общем, так и в рукавах. Из недр своей большой полупустой сумки выудила расчёску: в принципе она могла сойти за гребень с ручкой, не будь сделана из черной пластмассы. Сидя на скамье методично расчёсывала волосы прядь за прядью, когда меня пришла искать Дарья — видимо я долго отсутствовала. Смотрела на нее, продолжая расчёсываться, а она на меня. О, я не подсказывала как перепуганная девка при появлении старших — дошло до меня! Однако перепуганной девочкой я уже себя и не чувствовала, а груз свалившегося на меня несчастья сделал меня почти равнодушной. Даже давно пережитая бабкой Марфой потеря уже была ею многократно переварена и перевысказана, а моё горе было большим и свежим. Дарья серьёзно рассматривала меня в упор. Я отвернулась и продолжила расчёсываться. Старшая женщина в семье ушла, наказав оставаться спать в бане.

Утром она выдала мне кусок простого полотна и сказала:

— Сшей себе сорочицу, да не коротую!

И я уразумела — вчера она запретила мне возвращаться в дом и светить голыми ногами и руками перед взрослыми сыновьями: старшему — Георгию — надлежало жениться в этом году, а его брату-погодке — в следующем. Поразмыслив, пока заканчивала предыдущий заказ, взялась за рубаху для себя. Раз уж я такая неправильная новгородка, сделала ее не такой широкой, с косыми поликами — прообразом реглана — короче такой, чтобы на рубаху нелезло моё

лишь относительно свободное платье. Всё-таки в двойном платье зимой, как ни крути, теплее, особенно торчать на дворе пока вытянет дым из хаты.

Зато мне стали приносить заказы. Сговоров я тоже наслушалась, никто в общей избе и не скрывался; денег, естественно не видела — жила на птичьих правах.

— А по бели сажаешь? — спросила меня какая-то женщина из соседских.

Я утвердительно кивнула. На следующий день она вернулась с мужем, хозяева и гости расселись за столом, меня пригласили. Развязав узелок, моему взору представили богатства — речной жемчуг, в основном разнокалиберный, скатного мало. Заказали очелье для жены соседа. Вечером из разговоров я поняла, что приходили скорее похвастать богатством — старшая их дочь уже считалась невестой Георгия, а вот младшую прочили в невесты Никите. Вот только Никита — младший сын хозяйской четы — все чаще и дольше смотрел на меня. Это было весьма некстати. Я как раз обдумывала свои дальнейшие действия — мне нужно было вернуться на берег озера.

Никита все чаще пытался остаться наедине, заговорить. Дарья бросала на него уничтожительные взгляды, но при мне не вычитывала. Раз, когда хозяйка с бабкой ушли в баню, а я пришивала жемчуг по заказу, парень встал рядом, словно за работой смотрел. Улучив момент, он тихо спросил:

— А себе такой хочешь?

Я отрицательно помотала головой: у меня и в мыслях не было использовать его и давать ложные надежды. Но Никита не сдавался:

— Обет твой не навек? Я обождать могу, сколь надобно.

Быстро отложив работу, вышла на улицу как была — в платье. Мороз стоял жгучий. Бегом преодолев двор, заскочила в сенцы бани и села на скамью. Оставаться в доме без Дарьи или хотя бы бабки становилось неудобным.

Выйдя из бани и обнаружив меня, женщина все сразу поняла:

— Никита? Не обидел тебя?

“Нет-нет” мотала головой — осуждать без вины тоже нельзя.

— Мы с ним потолкуем. Пойдём в дом.

Мы вернулись, я не смотрела на Никиту, а он демонстративно не смотрел на меня.

Помимо рукоделия, помогала немного и в доме. Например, пекла с Дарьей хлеб раз в неделю, катала бельё на столе, иногда даже готовила. Хозяева явно присматривались ко мне, переглядывались.

Насмотревшись на рябых соседских девчонок, поняла, что всё-таки от статуса красавицы меня отделяет лишь худоба. Мой рост для этой семьи проблемой не был, бела лицом, кожа без единого изъяна, коса знатная — обсуждали меня деревенские бабы не стесняясь. А статус искусной мастерицы только добавлял интереса. К тому же, как ни крути, я была необычной, что, видимо, и сбило парня с начертанных родителями пути. И не один Никита заходил поглазеть на меня. Думаю, особенно мужикам нравилась моя вынужденная немота.

Будучи ежедневным свидетелем семейной жизни, понимала все чётче и чётче — на какое-либо персональное счастье мне можно и не надеяться. Мужчина, который мог бы его составить родится почти через пять веков. А тут мы все и русские, и православные, но ментально далеки, как жители разных галактик. Жили по “Домострою”, просто запишут его чуть позже, но как обобщённый опыт.

Мысль вызревала страшная и предельно правильная одновременно — уходить мне надо и жить одной!

Идея уйти в лес и жить в одиночестве крепла. В истории было много монахов-скитников, правда мужчин. Собственно, все большие и известные монастыри вырастали из скитов, а сами великие отшельники, обрастая последователями, и становились основателями.

Насчёт женщин сомневалась. Как прожить девушке одной в лесу сложно было представить. И чтобы не слушать надоевшие пересуды, я представляла шаг за шагом как буду делать то и это, что смогу, а что мне реально не по силам. Мысленно разворачивала сценарий своего уединения. Как ни странно, это помогло и сконцентрироваться, и систематизировать мысли, и немного побороть уныние. Во мне одновременно уживались самым непонятным образом два противоположных желания: выжить любой ценой и оставить какие-нибудь знаки о себе и сдохнуть здесь и сейчас и больше не мучиться.

Но не умиралось. Видимо оттого, что я даже приносила деньги в дом работой на заказ, а может из-за симпатий кузнеца и его сына, в моей каше появилось масло, я регулярно завтракала молоком с хлебом, и щи были больше похожи на еду, чем на воду с ниточками капусты.

Однажды, возвращаясь с помывки и стирки, услышала, что кузнец работает и решила посмотреть для разнообразия. Остановилась у распахнутых настежь дверей кузни. Внутри пылал огонь и грохотал молот. Под руку не лезла, посмотрела на разгорячённых мужчин и уже собралась было уходить, когда заметила кучу болотного железа в углу под навесом. Парочка нестройных мыслишек зародилась в голове. Немного поковырявшись, выбрала один богатый комок и пошла в дом. Закинув платье сушиться на жердь у печи, я задумалась над резко понатравившимися приспособлениями — требовалось растереть глину. Начала усиленно соображать. Всполюшила Дарью, когда, нацепив дублёнку снова выскочила на улицу. Всегда отрешённо-спокойная, я вдруг начала быстро двигаться и что-то сосредоточенно искать. Женщина наскоро вытирала руки, выскакивая за мной во двор. Я быстро шла в мастерскую, оглядывалась на ходу, ища подходящие камни, доски и собирая в голове идею. В мастерской быстро раздробила кусок глины, выбрала нужные кусочки, начала растирать их камнем на доске. Мне не нужно было много материала, важно было проверить догадку. Я получила пигмент охры! Аккуратно сгребла ещё не сеяный порошок в черепок и вернулась в дом. Там я смочила порошок, слила взвесь в ещё одну кружку... Женщина молча напряжённо следила за моими метаниями. В конце концов я поставила плошку со своей добычей подсушиваться у печи, вымыла всё, что перепачкала и села за рукоделие, привычно затихнув на своем месте. В тот день мое поведение больше не выходило за рамки обычного.

Плошечку мою не трогали, и через два дня на её стенках остался идеально тонкий пигмент. Теперь мне понадобилась помощь и прикрытие, и я направилась к Никите. Это было эгоистично, но обещало быстрый результат. Махнула ему и пошла к гуляющим по снегу гусям. Показала, будто выдергиваю нечто из своего локтя — нужно было перо. Он понял и, несмотря на удивление, схватил птицу и выдернул маховое перо. Птичка завозмущалась. Я кивнула, принимая этот дар и поспешила в дом, а все — за мной. Повернувшись к ним спиной, выудила из сумки маникюрные ножницы и сделала фигурный вырез, превратив птичье перо в подобие перьевой ручки. После разбила яйцо и отделила желток. Куранта взять было негде, аккуратно растёрла пигмент с небольшим количеством желтка ручкой ложки. Совсем потеряв страх от возбуждения, достала блокнот, благо в обычном переплете, и вырвала листок. Замерла на несколько секунд — от напряжения подрагивали руки — сжала кулаки. Несколько раз набирая краски на перо, вывела на белоснежной странице "псалты". На "рь" краски уже не хватило. После сильного напряжения силы окончательно меня оставили и закрыв лицо руками беззвучно заплакала. В избе стояла благоговейная тишина.

До весны, пока оттают берега местной речки, я даже не могла приступить к основным задумкам. Поэтому пока ограничилась тем, что нарубила ивняка, вымочила его в предбаннике,

собрала кору и там же села плести короб. Куда-то же надо будет складывать собираемое добро. Ориентировалась на высоту лавки, чтобы короб можно было ставить под нее.

А план уже созрел, да ещё какой! Чтобы враз от меня все отцепились! Я молчу — пока не напишу икону! Одному Богу ведомо, когда там я её закончу. Но она, да усиленная обетом молчания, — все возможные оправдания для всех моих странностей.

Конкретно про начало шестнадцатого века я не многое помнила, и всё из области культуры: Андрей Рублев был гораздо раньше, а все остальные известные художники уже позже. Росписи Ферапонтова монастыря тоже приходились как раз на самое начало шестнадцатого века, но по годам сказать не могла. В эти же времена точно были сожжения еретиков, позже и вовсе Иван Грозный с опричниной. Времена крутые, сильно выделяться нельзя. Где девка могла обучиться письму и иконописи? Правильно, нигде! Значит, списать можно только на Чудо! Озарение свыше! Народ-то очень верующий и довольно тёмный — наслушалась я баек бабки Марфы.

Построив в голове кучу планов, поняла, как мне повезло с кузнецом и горном. Во-первых, не придётся по болоту лазить в одиночку — вон сколько болотного железа под навесом — это вся гамма охры и примитивный красный. Имелись уличная печь для отжига руды и горн — можно попробовать обжиг глины. Кричного железа и всяких отходов набрала по углам, после замочу в уксусе на чернила. Судя по разговорам и мел имелся где-то недалеко, и известь можно сделать. И клей сварить костный и рыбный — для левкаса, и масло льняное для олифы есть. Засыпая, даже перестала чувствовать жесткие края лавки, впивающиеся в тело — вытаскивала из глубин памяти "Справочник кустаря", зачитанный до дыр в клубную бытность. Главное, чтобы мне не мешали и не запрещали.

Принимая заказ на убрис для дома гончара, я впервые отодвинула Дарью и сделала свой собственный заказ. Взяв мужика за рукав, потащила его за собой, а на улице позволила ему вести меня к его дому. Люди были неграмотные, но очень понятливые! Все непонятливые давно пали жертвами естественного отбора. В его мастерской пересмотрела разные горшки, выбрав нужное мне: для чернильного гнезда, для выпаривания щелока на поташ, и ещё пару про запас. Взяв кусочек глины, слепила маленькую площадку для примера. Он кивнул — молчаливый сговор состоялся.

Дарья была зла, но ее быстро заткнул муж: "Цыц! Не бабьего ума сие дело!" — уходить стоило хотя бы потому, чтобы не быть всю жизнь помыкаемой!

Видимо, мои глаза засияли азартом, убеждая всех в том, что я нашла решение исполнить обет. Мне не мешали: не помогали, но по крайней мере специально препон не чинили. Пользуясь этим, в перерывах я собирала все, что может мне потребоваться в ближайшем будущем. Как только земля начала подтаивать, отсадила глины, и налепила кривеньких пузырьков для хранения своих порошков. Первая партия полопалась при обжиге и пришлось снова посетить гончара — показать ему свою головную боль и молча выслушать лекцию по глине для лепки, а заодно выслушать всё, что он думает про дуры-бабы. Это было полезно и увлекательно, а главное, сделанная под присмотром мастера, вторая партия пузырьков пережила обжиг. Затычки сделала тряпичные.

Для поддержания интереса к своим занятиям сделала простые чернила из сажи, заранее приготовила пару листочков из блокнота, и к удовольствию хозяев, написала красивой вязью их имена. Получились вписанные в прямоугольники кружева из высоких букв. Для меня это было старым хобби и развлечением, а не работой. А вот для простых людей я уже явила маленькое чудо! Они долго любовались, видела по шевелению губ, как мужчины про себя по буквам разбирают написанное и пытаются прятать улыбки в бородах. Дарья читать не умела. Муж ей объяснял. Вечер чтения четырех слов был тихим и сказочным.

И снова я могла продолжать свои сборы. Только Никита мрачнел день ото дня. И это было самое ужасное — совсем не хотелось, чтобы парень зря страдал.

Неожиданно умерла Марфа — просто не проснулась утром. Отмучилась. Никто не плакал, не было у неё близких, но тащить пришлось до ближайшего погоста с церковью, попом и кладбищем. Похоронили просто, крест из палок воткнули. Ни имени, ни откуда, ни чья будет — упомянул это священник в службе и всё, с ветром унеслось. Я стояла над могилой, озирала бесконечную мартовскую даль. Бывает, что на веку одного человека река поменяет русло; один хутор умрет, другой превратится в деревню, и сама деревня поменяет место несколько раз. За пятьсот лет лес срубят пять раз и каждый раз вырастет новый. Сколько таких безымянных путников лежит по давно стёртым с поверхности земли погостам? Память человеческая — ничто. Так как послать весточку Сергею, возможно, в этот самый момент сидящему в каком-нибудь архиве?

Зима на севере отступает неохотно, часто возвращается неожиданными снегопадами, а то и завирухой. Но Ермолай готовился понемногу к пахоте, откармливал коня. Я поглаживала морду гнедого, он забавно шевелил ушами, когда почёсывала в их основании.

Поймав взгляд кузнеца, знаком показала: можно выстричь из хвоста? Мои причуды уже никого не удивляли, но Ермолай не ответил. Ушла, чтобы не мешаться. Вечером мне принесли аккуратно срезанную прядь конского волоса. Была уверена — вырезали из середины, чтобы не заметно было.

Ещё до смерти бабки, мои рукоделия стали своеобразным театром, а теперь и вовсе развлечением. Пост соблюдался строго, не только в еде — увеселений тоже не допускалось. Оттого все с интересом рассматривали как я натягивала на рамочку сетку из конского волоса и делали предположения.

Короб наполнялся: туда легли горшки, плошки, пузырьки в специально сплетённых коробочках из рогоза, подаренные Ермолаем небольшой топор и нож, немного полотна, вымененное огниво. Корзина уже весила немало. Приделала сыромятные ремни так, чтобы нести ее как туристический рюкзак — переноса повыше центр тяжести. Все остальное придется уже на месте добывать — большой вес просто не подниму.

Я прикидывала насколько далеко находится от деревни моя точка входа. К паломникам пристроилась под ночь, и шли неполный день — эта деревня Песь располагалась совсем не там, где современная. С учётом тормозившей всех Марфы, мы двигались со скоростью столичной пробки. По всему получалось, что не так и далеко, километров восемь-десять. Без приключений часа три-четыре по лесной дороге, с грузом и необходимыми привалами. Дорога была едва заметной, но была, так что заблудится не боялась. Главное найти, где сворачивать в лес, а там до озера не больше километра. Пугали дикие животные, но тут на выручку приходило второе желание — сдохнуть на месте.

До ухода ещё успела немного помочь Дарье с огородом, добив всех ровным копанием грядок на глаз как под линейку — профессиональное искривление, так сказать. Ну ничего, скоро перестану всех смущать! Зато отсыпала себе немного семян: капусты, укропа, репы и моркови — сногшибательное разнообразие.

В последний вечер так случилось неприятная сцена. Проверая корзину и делая последние приготовления, заметила молчаливое напряжение родителей — Никита собирал котомку. Это требовалось прервать на корню! Лучше один раз отрезать, чем долго тянуть за причинные места — папина мудрость. Подошла к парню, тронула за плечо и резким движением руки показала категорическое "нет"! Он посмотрел на меня минуту и мрачно продолжил собираться. Я не отставала. И головой, и руками показывала — нет! Потом выхватила его котомку и передала отцу. Всё, хау, женщина все сказала. Как могла.

Ужинали в мрачном молчании.

Утром я долго типа молилась перед иконой, хотя за зиму выучила из псалтыри наизусть не одну молитву — на будущее и на всякий случай. Поднялась с колен, посмотрела в глаза Ермолаю, поклонилась в пол, аж коса шлёпнула о половицы. Накинула на плечи лямки короба, зло зыркнула на Никиту для профилактики и вышла из избы.

Вдохнула свежего воздуха, пьянящего свободой после курной избы, и направилась в сторону озера. У меня не было ни капли сомнений или сожалений.

— Никуда ты не пойдёшь, — отрезал Ермолай, не отводя глаз от сына. — Далеко ли собралась девка, не наше это дело за ней тащиться.

— Отпусти, — глухо сказал Никита. — Я не помешаю, только погляжу, дойдёт ли благополучно, да ворочусь.

— Семью бросаешь ради девки неприкаянная! — вмешалась Дарья. — Очи тебе застило, что ли? Обет у неё, тебе там делать нечего.

— Не пойду я к ней свататься, — Никита сжал кулаки. — Только не могу я, а то как сгинет невесть где, как Марфа.

Ермолай посмотрел на жену и снова на сына:

— Сбежишь — не удержим. Токмо помни: не твоего ума дело, чему она посвятилась. Мешать станешь — грех на душу возьмёшь, да немалый.

Помолчал, оглядел сына с ног до головы, будто прицениваясь.

— Пушу проводить. Но воротись! А другого лета женишься на Дуньке. И весь сказ. Никита мрачно кивнул согласно.

Я шла средним темпом, чтобы не устать, но и уложиться в день пути. Мне хотелось ночевать на мысу. Как-то спокойнее, когда опасность только с одной стороны, а не со всех. Привал в привычном смысле сделать не могла: если опущу тяжёлую корзину, потом не подниму. Прислоняясь к какому-нибудь дереву, на несколько минут снимала с плеч тяжесть короба и, отдышавшись, шла дальше. Поздняя осень и весна до распускания листьев похожи — я узнавала некоторые места: поворот дороги, болотце, огромное одиночностоящее дерево у овражика... Когда впереди дорога снова уходила влево по широкой дуге, сердце забилося — где-то здесь я выскочила на дорогу! Свернула к невидимому с этой точки озеру. Время уже было ближе к послеобеденному, чувствовалась усталость, но мне оставалось протопать совсем чуть-чуть. И вскоре вышла к воде — четко на мысу. Аккуратно поставив на землю ценный груз, кинулась собирать хворост.

Никита держался поодаль, на пару сотен шагов позади, ныряя в лес и за какой-нибудь ствол, когда она останавливалась. Он же даже имени её не знает!

Девушка останавливалась все чаще — вес корзины вынуждал. Он едва сдерживался, чтобы не кинуться на помощь, но боялся слишком рано себя выдать. Они с братом обсуждали ее сборы. Она тащила такой вес — явно недалеко собиралась. И оказались правы! Постояв немного у поворота дороги, таинственная молчальница резко свернула в лес. Словно знала куда идёт!

Собрала хворост и, повозившись с непривычным огнивом, запалила костер. Сначала, в романтическом порыве, хотелось развести огонь на берегу воды. Но потом подумав, что лихие люди опаснее животных, отошла в лес. Устало села на огромную кучу собранных веток —

земля весной была сырой, особенно вблизи водоема. Смотря на огонь, отдыхала. Первое поворотное решение было реализовано. Дальше всё зависит только от меня.

В темноте хрустнул хворост под чьей-то ногой, и я в панике подскочила. Не ожидала, что проблемы начнутся так скоро!

— Никита я! — раздался знакомый голос. Я бы взвыла сейчас от злости, если бы не привычка молчать.

Мы стояли, разделенные костром, и смотрели друг другу в глаза.

Значит, шёл за мной от самого дома, иначе бы в лесу так быстро не нашёл. Сбежал или отпустили родители? Ну вот зачем он пришел! Не понимает, что ли, что я бегу от людей! Отвела взгляд, вздохнула и села обратно. Что теперь делать? Не гнать же в лес среди ночи!

Никита, видать, понял и подошёл, присел на корточки с другой стороны от костра.

— Не гони! Помогу и уйду. Отцу обещал, что на Дуньке оженюсь, коли позволит тебе помочь.

Я снова посмотрела ему в глаза: добрая душа! Какая жертвенность! Улыбнулась. Взбодрившийся Никита схватил топор и пошёл нарубить веток потолще, пока ещё позволял вечерний свет. Потом наломал много еловых лап, чтобы настелить толстым слоем на сырую землю. Мы устроились у костра, так же — каждый со своей стороны. Нас разделял очищающий огонь. Засыпая, поймала себя на мысли, что с точки зрения романтики язычество мне больше нравилось.

Утром проснулась от звука ударов топора. Никита рубил дрова. За деревьями я его не видела, но отлично слышала. Села. Это, конечно, всё очень мило, но его же кормить придется. А припасов у меня было очень мало. Начала распаковывать короб.

Никита пробыл два дня. Нарубил дров из валежника, жердей из молодой поросли, натаскал лапника. Я выбрала более высокое место — самое сухое, в начале мая это было хорошо видно, и начала ставить навес. Он помогал молча, один раз прицокнул языком, мыслей своих не комментировал, не приставал, ничего не просил и не обещал. А зрелый муж, оказывается! Хоть и пацан ещё молоденький. На таких земля русская стояла и стоит.

К концу первого дня каркас шалаша связали — на севере-то льет через день, повезло ещё, что до сих пор не промокли. Я нарубила прошлогоднего рогоза — ранней весной выбор не велик — и села плести простую циновку для покрытия. Ночевали так же.

Утром Никита был молчалив и печален — прощался со своей тихой надеждой.

— Ну, прощевай.

И пошел не оглядываясь. И хотя я не прощалась с любимым, все равно накрыла тоска от разрыва последней связи с равнодушным к тебе человеком. Чтобы не дать слабину, ушла с головой в работы по обустройству: доплела циновку, покрыла шалаш, сверху ещё лапником, углубила и обложила камнем кострище, отгородилась от леса плетнем — вгрызалась в землю и в место.

Потянулись месяцы моего отшельничества.

Летом, конечно, на природе жить не так уж и плохо. Но понимая неизбежный приход зимы, и зимы северной, нужно было устраиваться серьезно. Все эксперименты с живописью придется отложить на времена, когда будет где и как жить. Валить лес на сруб — непосильная задача для женщины. Единственным вариантом оставалась землянка. Этим, и небольшим огородом на поляне, и занималась почти всё лето.

За лето ко мне дважды наведались Георгий и Никита, принесли крупы и зайцев. Едва не заплавав от такой заботы, немало смутила гостей. Осмотрев мою стоянку, они утвердились в мысли, что я намерена жить в лесу. Так и стала для деревенских безымянной скитницей.

К осени насушила грибов, набила зайчатиной с солью большой горшок с крышкой, как парни показали, хотя и не была уверена в этом способе хранения, собрала свой небольшой урожай капусты, репки и прочей ботвы. Несколько раз приходили деревенские мужики и бабы — по пути или просто так из любопытства. Для них дивно было поглазеть — в округе появилась своя достопримечательность. От этих посещений у меня появилось еще немного зерна и вяленой рыбы. Ела я мало, и сдохнуть с голоду теперь не грозило.

Землянка в склоне оврага была сложена из тонких стволов, обсыпана землёй со всех сторон и по крыше, обведена водоотводящей канавой. Пол и печку сделала саманные — из глины с камышовым волокном. Трубу вывела в стену, итак не была уверена в герметичности крыши, лишнее отверстие в ней было ни к чему.

Понимая, что ещё через пару месяцев меня полупохоронит под снегом, устроила в углу землянки маленьких склад материалов — буду как монах-отшельник всю зиму корпеть над иконой. Подумав, и запас дров тоже сложила в землянке. В результате в пространстве приблизительно три на четыре метра, единственным свободным местом оказалась лежанка и небольшой пятячок перед печкой. Единственным светом внутри был огонь, а я планировала писать. Метнулась за глиной и слепила несколько вариантов масляных ламп, обругав себя за то, что не догадалась раньше. Реконструктор хренов!

Не смотря на общую решимость, прихода зимы я ожидала с ужасом.

Я оказалась трусливой. Пока забот был полон рот, некогда было рефлексировать. Но вот наступил момент перехода в зимний режим — и поняла, что постоянно трясусь от страха. Как житель мегаполисов, настоящего дикого леса я не знала и не понимала. Боялась волков и медведей. К концу лета почти не отходила от стоянки, в надежде, что запах дыма отпугивает четвероногих. Теперь же, прежде чем выйти из землянки по любой нужде, будь то дрова или естественная, подолгу прислушивалась к звукам за дверью. Дверь, кстати, была хороша! Мужики деревенские помогли. Хотя и не уверена, выдержит ли она нажим медведя. Но медведи должны спать. А вот волки были так, что у меня скулы от ужаса сводило.

Снег пошел рано, по моим отметкам была середина октября. Резко приморозило и начало засыпать. Я перешла на осадное положение — решила лишний раз и не выходить. В малоподвижном образе жизни обозначился плюс — есть тоже почти не хотелось.

Зато появилось время для давно намеченных трудов. Долго заглаживала липовую доску, грунтовала в несколько тонких слоев. Спешить было некуда! Наоборот, приходилось растягивать все действия, чтобы занять свободное время. На самом деле житие в землянке оказалось ненамного хуже, чем в избе, топившейся по-черному! К тому же я с трудом переживала перенаселение и постоянный пригляд. В моем новом убежище было очень тесно и темно, зато тепло и свободно.

Я достала из сумки образец — купленную в церковной лавке маленькую, напечатанную на картоне икону Владимирской богородицы. Долго рассматривала артефакт из будущего — в иконописи существует строгий канон. Теперь мне можно было не прятаться: достав простой карандаш и лист из блокнота сделала набросок, сверила пропорции и начала перекалывать контур на основу.

Через пару месяцев меня неожиданно навестили охотники. Они проверили, жива ли скитница и принесли ещё зайчатины. Я пригласила мужиков погреться: они вдвоем, в своих тулупах едва усьлись на лежанке. Но быстро согрелись и сбросили верхнюю одежду. Молча поила гостей горячим чаем из трав и кормила хлебом с чесноком, испеченным в горшке.

Мужики дивились теплу без дыма и такому способу печь хлеб. Косились на недоделанную икону — контур был прорисован, лики, руки и одежда прописаны разными оттенками охры. Не было покрыва и золота. Дала посмотреть. Так же молча показала, что яйца в горшке с известью заканчиваются. Обещали принести. Душевно попрощались, поклонились и ушли. На душе стало тепло — не чувствовала себя заброшенной: люди, оказывается, помнили обо мне, в деревне говорили о моем исходе, о том, что я недалеко ушла. Гадали, почему выбрала это место. До весны охотники ещё пару раз навещали меня: и яйца принесли, и немного льняного масла, и муки.

Весной я по новой училась смотреть на дневной свет. Поняла, что малоподвижный образ жизни крайне вреден для здоровья — гуляла по берегу и даже зарядку начала делать. Снова взялась за огород.

Подправив уличный очаг, приступила к экспериментам для получения голубого красителя. Вся эта древняя алхимия, без точных концентраций и мер и с приблизительной температурой, бесила не на шутку. Я тратила с трудом изготовленную жёлтую кровяную соль, а получала то белесый осадок, то грязный, то наконец голубую, но неосаждаемую взвесь! Попсиховав, по укоренившейся привычке молча, последнюю осадил на мел, так жалко было выкидывать очередную порцию. Решила, что потом придумаю куда использовать. Сделала паузу — подросла молодая крапива и до дури захотелось зелёных щей. Переключилась на хозяйственные дела.

Пару недель размышляла о том, что упускаю. Ничего нового не вспомнила и вернулась к методу проб и ошибок. И наконец-то в один благословенный день осадок в горшочке быстро темнел при помешивании. Моя подложная лазурь была готова! Нервно оглядываясь по сторонам, промывала пигмент, боясь быть застуканной с поличным. Это был именно тот ингредиент, который можно было списать только на Чудо! До его официального изобретения было ещё два века. Но мне требовалось не много — нужно было закончить всего одну икону.

Задумка изначально была такой — не имея ни сусального золота, ни денег для его приобретения, сделать лазоревый фон и списать на видение! Синий краситель из лазурита тоже был баснословно дорогой, может и дороже самого золота. Однако, я знала, пусть и теоретически, как сделать искусственный заменитель. Берлинскую лазурь в клубе полоскали на все лады: годна для реконструкции или сразу ставит предмет в разряд реплики. Мне не нужны были ни слава, ни деньги. Не трогали бы только — и отлично! Но скорее всего через всю эту череду вездесущих любопытных крестьян рано или поздно обо мне узнают, и тогда нужно будет получить официальный статус монахини-отшельницы, чтобы меня оставили в покое, а главное не задавали вопросов. Для того я и придумала эту легенду, достойную начала шестнадцатого века.

Потихоньку доделывала икону.

После получения пигмента окрашивание голубого фона и темно-синего покрыва Богородицы стало делом нескольких дней. Зато за это время я вспомнила, что проверкой легитимности иконы является её влагоустойчивость! При освящении икону поливают святой водой. И первую половину лета посвятила пробам покрытий. Это же можно всю работу запороть, а заодно и опозориться.

Наконец-то, законченная и покрытая тремя слоями олифы из льняного масла и смолы, красота несказанная была закончена!

Охотники из деревни, что видели неоконченную работу зимой, постоянно справлялись о продвижении моих трудов, а потому стали первыми зрителями. Восторг в глазах людей доказывал мою правоту. Пока я шла верным путём. Единственное, чего мне стоило избегать любыми способами — разговоров со всякими учёными мужьями от церкви, способными и верующего заставить признать в ереси.

Как и предполагала, молва уже потекла. Скучающие селяне перетирали все новости между собой, передавали их паломникам, весной возобновившим свой ход от погоста к погосту. И хотя я тихо сидела в глуши, невидимая с дороги, ко мне потянулась череда визитёров. Провожатыми им выступали те же услужливые охотники. Я и прийти в себя не успела, как на полуостров протоптали вполне заметную тропу. То же мне скит уединённый!

Деревня Песь, где зимовала странница, стояла хоть и в глуши, но на прямой линии от Новгорода к Кириллову монастырю на Белом озере. Люди торговые с товаром, да те, кто побогаче, нанимали корабли и плавали по Мсте и притокам. А народ, как водится, ходил: и паломники, и крестьяне из соседних починков, идущие по своим надобностям. Всякий, кто останавливался на ночлег в деревне Песь, будь то у Ермолая или у соседей, слышал одну и ту же историю — про молчальницу, что зазимовала тут, а после ушла жить одна на Ракитинское озеро.

Рассказ этот, переходя из уст в уста, обростал подробностями: кто говорил, что уже видел икону своими глазами, кто пересказывал с чужих слов. К погосту Крутец, до которого от Песи было рукой подать, эти рассказы дошли одними из первых — не через официальную бумагу, а через обычных прихожан, что приходили к иерею на исповедь и, каюсь в мелких грехах, между делом не могли не упомянуть такую диковину. Отец Прокопий слушал эти пересказы с ранней весны, как возобновился поток паломников. Поначалу без особого доверия — мало ли какие чудеса рождает деревенская скука долгими зимними вечерами. Но истории не иссякали, а вскоре и кто-то из его же прихожан начал клясться, что сам ходил и видел.

Тогда иерей решил, что дело заслуживает того, чтобы съездить и посмотреть самому. Собрался не один: взял с собой дьячка да человека из обслуги, погрузил в телегу утварь для молебна — на всякий случай, наперёд не решая, пойдёт ли она в дело в тот же день, — и тронулся засветло.

По пути остановился в Песи — прежде, чем ехать дальше вслепую, стоило расспросить кузнеца да его домашних, видевших странницу своими глазами не один месяц. Ермолай с Дарьей рассказали всё, что знали: как пришла девка, не немая, но ни слова не сказавши, полгода прожила рукодельницей, как готовилась, а по весне собралась и ушла. Выслушав, отец Прокопий не спешил с выводами — расспросил ещё и соседей, кто что видел да слышал, и только затем велел трогаться дальше. Никита вызвался показать дорогу.

Телега шла медленно по лесной дороге, не быстрее пешего хода. И батюшка сидя в телеге смотрел на людей, идущих следом. Летние месяцы давали передых в полевых работах, отчего же не поглазеть! Святого отца никто не обгонял, так и ехал он через лес, возглавляя паломничество.

До тропинки доехали ещё засветло. Телегу пришлось оставить на дороге.

Заслышав многие голоса Анна обернулась и замерла. В чинах она не разбиралась и что делать не знала. Оттого решила действовать наугад и просто опустила на колени и потупила взгляд.

— Кто такая будешь, дочь моя? — откашлявшись, начал Прокопий.

Девушка глаза подняла, губы же даже не дрогнули. Отец явно отметил эту стойкость.

— Сказывают люди икона у тебя имеется. Правду глаголят?

Девушка поднялась с колен и пошла в землянку, откуда вернулась с завернутым в тряпицу предметом. Двумя руками протянула с небольшим поклоном. Прокопий взял дощечку, откинул тряпичку и раньше, чем успел подумать — перекрестился! И ещё прежде чем спохватился, люди вокруг креститься начали.

Анна молчала, не улыбалась, ни глазом ни повела. Внутри у нее все нервно дрожало, но за почти два года носимая маска уже намертво приклеилась и к лицу, и к характеру. Привычка — вторая натура!

Отец Прокопий долго стоял молча, разглядывая работу вблизи — пропорции лица, уверенность линий, ровный настил с неразличимым мазком. По всему выходило, что писала рука не просто умелая, а наученная и поставленная — вот только выучиться такому в этой глуши было решительно негде. Но более всего поразил фон. У Владимирской божьей матери, а это была она, поле должно быть золотое. С иконы в его руке Матерь Божья смотрела истинно с неба! Не ввали люди.

— Откуда у тебя икона?

Девушка продолжала молчать, но рукой показала на землянку. Прокопий принял приглашение немедленно ни секунды. Внутри было темно, странный очаг не горел. Но света из двери хватало рассмотреть ровные ряды мисочек с пигментами, горшок с железным гнездом, перья, несколько листов странной, грубоватой, далеко не белой бумаги со словами из Псалтыри.

— Грамотна? — обернулся он к хозяйке скита.

Она молча кивнула. Отец лист в руки взял — устав красивый, буква к букве.

— А молчишь чего?

Она не отвечала.

— Краска эта где? — спросил он, указывая на лазурь иконы.

Анна молча ткнула в пустую плошку, с засохшей голубой каёмочкой — не осталось.

— Откуда такая?

Ответа он не получил. А на поляне полукольцом стояли люди, уже уверовавшие в Чудо, хотя, судя по девице, источником сплетен она не была. Отцу Прокопию молчаливица даже нравилась: строгая, спокойная, двигалась уверено, смотрела умно. Не выпуская иконы из рук, он вышел из землянки.

— Молебен готовь на освящение иконы, — кинул он дьячку.

Тот метнулся к телеге, принес кадило и святую воду. Молебен служили тут же — деревенские столпились, сняли шапки. Отец Прокопий окропил икону святой водой, прочёл над ней положенные молитвы. Голос его, поначалу ровный, к концу чтения окреп, будто и сам он, произнося слова освящения, отбрасывал последние сомнения. Закончив, он снова обернулся к Анне.

— Отныне сие место благословенно, — сказал он. — А тебя, дочь моя, вопрошаю в последний раз: кто ты и откуда, или так и пребудешь в молчании до конца дней?

Замерли все.

— Раба Божия Анна, — голос хриплый от долгого неупотребления. — С-под Изборска, погост Тайлово, — и замолчала.

Знал святой отец о приграничных погостах, беспрестанно подвергающихся нападениям. Сглотнув даже несколько раз, девушка продолжила:

— Трижды являлась мне Пречистая и указывала место сие и икону писать, и молчать, покуда работы не окончу, — и снова осипла.

— А лазурь откуда?

— Да тут под дубом и ждала меня, — и голос её был тих, но твёрд. — Постриг принять хочу, — снова голову склонила, — и велела мне Богородица не сходить с этого места до конца дней моих.

Толпа разом выдохнула. Отец Прокопий долго смотрел на Анну, потом медленно кивнул, будто соглашаясь.

— Услышана, — сказал он. — О прочем пусть судят те, кому дано судить такие дела, а мне не по чину. Запишу всё, как слышал, и отправлю куда должно.

Он ещё раз перекрестил её, и икону, и поляну, велел дьячку прибрать утварь и, не задерживаясь долее необходимого, отправился в обратный путь, оставив позади и притихших деревенских, и девушку, впервые за два года назвавшую вслух своё имя.

Кремень девка!

А люди в ночь через лес не пошли, разместились все здесь, разбились на кучки, запалили три костра. Начались беседы.

— А что, Фрол, киоту для иконы сладишь?

Идея пришлась всем по душе. Разговор перешёл на где ставить. Порешили: под дубом, где лежала до поры лазурь. Место, стало быть, само себя назначило.

Никита стоял в стороне, не выходя на свет костра. Увидев его, кивнула, улыбнулась просто. Он подошёл.

— Грех на мне, прости! Не должен был завлекать речами... — он замялся.

Я знала, что преступление — это действие, а лишь помысел о нем — уже грех. Вспомнила как он тихо ждал, помогал, как пожертвовал мечтой, чтобы помочь мне устроиться на новом месте. Захотелось успокоить парня, снять камень с его души. Совестливый он и хороший.

— Нет греха твоего! Сам Господь твоими устами испытывал веру мою.

Что думала на самом деле — никогда никому не скажу, а наградой мне будет просветлевшее лицо парня.

Отец Прокопий вернулся в Крутец другим человеком, чем уехал. Не то чтобы сомневался прежде в существовании чудес — сомневаться в этом иерею не пристало. Но одно дело читать по книгам, и совсем другое — стоять перед ним с открытым ртом, чувствуя, как рука сама тянется ко лбу прежде всякой мысли.

Всё лето он тянул с письмом — не по лени, по осторожности: приукрасить не в меру или, того хуже, испугаться и приуменьшить — и то, и другое грех против истины. К исходу лета сел за стол. Вспомнил землянку, ряды плошек с пигментами, синеву на доске, охрипший голос девицы.

Но было ещё одно, что тревожило сильнее пигмента и слепой деревенской веры. Девица эта — не крестьянка. Богатым домом обученная грамоте. Полуустав её — ровный, уверенный, как у доброго переписчика при хорошем монастыре. Молчание её — не увечье, а воля, державшаяся два года без послабления. Такой не бывает вреда от близкого знакомства с миром — она сама, волею своей, выбрала уйти от него в чащу и не роптала. Если это не подвиг — то он, отец Прокопий, за двадцать лет службы подвига не видел вовсе.

Игумену честныя обители Пречистыя Богородицы Кирилловы, о Христе радоватися.

Пишет тебе, отче, иерей погоста Крутецкого Прокопий, извещая о деле, коему сам свидетель бых, дабы ты, рассудив по данной ти власти, положил о том решение своё.

Ведомо мне стало от прихожан моих, а после и от людей окрестных, будто на Раки-тинском озере, на мысу, поселилась девица, пришедшая незнамо откуда, и живёт одна, безмужняя, в молчании. Слышал я о том не единожды и не от одного человека, покуда сам не поехал видеть.

И видел своими очима: землянку, устроену с рачением, а в ней — краски, перья, листы с письмом полууставным, и икону Пречистыя Богородицы Владимирския, самой девицею писанную. Фон же на иконе синь, подобный небу, а не злату, каковыя синева отколе взяти — сказати не умею, понеже краска та не из простых и не из дешёвых, а девица нища и живёт единым трудом рук своих.

Вопрошал её, кто есть и откуда. Отвечала не тотчас, а по освящении иконы: имя ей во святом крещении Анна, родом с-под Изборска, погоста Тайлова, что близ немецкого рубежа, и от разорения того погоста ушла. А молчание своё держала два лета без послабления, обетом связана, доколе труд иконный не окончит.

Служил я тут же молебен, освятил икону и благословил самое место, понеже иного не в моей власти сотворити.

Мыслю, отче, писати тебе не токмо о чуде виденном, но и о девице самой. Грамоте обучена твёрдо не по-крестьянски, а полуустав пишет ровно, яко добрый переписчик. Мужа не знает и не искала николиже. Живёт в пустыни, не ропщучи, и от близости мирской сама ушла волею своею, не нуждою гонима. Мыслю, таковая крепость духа редка и в мужех, а в девице — паче того.

Не мне, грешному, судити, достойна ли она пострига, ни скит утвердити — то дадено власти твоей. Но свидетельствую по совести. Мыслю, отче, что душа её к тому давно готова, паче многих, кои в миру суетном возрастают.

О сём извещаю и прошу твоего рассуждения, како далее быти.

Раб Божий, недостойный иерей Прокопий, лета 7010-го.

А написав, мешкать не стал и отправил при первой же оказии с проезжим купцом в сторону Белоозера. А там уж как Бог даст. Купец добрался до Кириллова к самому началу бездорожья — раскисли дороги. А там и зима. И все что могло по делу решиться, само собой отложилось до будущей весны.

Конец лета. Урожай убран, пришла пора праздников. Второй день гуляла свадьба. Хмельные гости горланили песни. Никита сидел словно во сне — задумчивости его никто не замечал, кроме переглядывающихся родителей — его и невесты.

Где-то в лесу, в полной тишине, жила милая сердцу и совершенно непостижимая Анна. Потерявшая близких, а может и любимого, она отказалась от мира, от возможного счастья с другим, от богатого дома, от чужой поддержки, от тепла мужниного тела. От самой жизни отказалась.

Он перевёл взгляд на раскрасневшуюся, довольную Дуняшу. Та зыркнула на молодого мужа блестящими глазами — добровольно приняла свою женскую долю.

Лето текло своим чередом. Икону я закончила, а писать было не на чем, купить бумагу нигде и не за что. И продолжила эксперименты с бумагой. Рамки для отсадки наделала ещё в деревне. Уже тогда я понимала, что проблема есть, но ни ниток подходящих, ни конского волоса в лесу не будет.

Для бумаги нужны были волокна. На Руси издревле использовали лен, коноплю и крапиву. Полей льна у меня не было, пучок конопли вырос из Дарьиных семян, но посеян был скорее из любопытства — вырастет ли вообще. А вот начала я именно с крапивы, потому что добра этого в лесу полно! Я собирала ее огромными охапками, листья сушила, стебли замачивала прямо в озере, мяла по-всякому, теребила, вываривала в щелоке. Руки зудели, пальцы распухли — страшно смотреть. Волокнам требовалась склейка, бумаге - отбеливание. И эксперименты состояли в поиске пропорций: щелока и клея из заячьих шкур. Больше вариантов не было. Листы получались, но рыхлые и лопались на сгибе. После заглаживания деревянным утюжком, тем, что сделан был для шитья, поверхность становилась пригодной для письма. Все равно это не шло ни в какое сравнение с покупной бумагой. Обидно, но делала хоть такую —

зима обещала быть до дури скучной. В отличии от настоящих монахинь, молитвами свой день я наполнять не могла.

Зато гостей теперь было на порядок больше — об иконе и месте прознали. До самого снега паломники заворачивали, зимой опять охотники. Зайцев приносили довольно регулярно. У охотников спросила, как шкурки сохранить, пока морозов нет. И вскоре мне принесли из деревни небольшую кадушечку и соль. К великой моей радости, клей из соленых шкурок оказался даже лучше!

С людьми по-прежнему много не болтала, чтобы не выдать себя случайно каким-нибудь лишним словом. Это было просто — я отвыкла говорить!

Вторая зима показалась даже проще первой, оставалось только радоваться, что одиночество никогда не сводило меня с ума. В отличии от безделья. Я уж и нитки попробовала прясть из той же крапивы, но быстро отказалась от такого времяпровождения. Ещё наделала себе кистей заячьих, разных и про запас.

И размышляла, и размышляла.

Иеромонах Феодосий из Кирилло-Белозерского монастыря добрался до Песи в сопровождении служки и отца Прокопия. Последний по долгу ехал: он первым засвидетельствовал обет и подал о том донесение, и теперь ему, по-хорошему, полагалось довести дело до конца, увидеть его завершённым своими глазами.

По правилам остригали при церкви или монастыре, но это дело особое было. Скитническое. И чудесное.

— К погосту не пойду, — сказала Анна дьячку, посланному подготовить её к обряду. — Место мне здесь назначено. С него не схожу уже третий год.

Решили заночевать в деревне, остановились в доме Ермолая. Ещё раз выслушали историю о том, как появилась Анна-молчальница в этих местах. Утром отправились к месту, и к обеду добрались. Поглазеть шла, почитай, вся деревня. Зрелище — не куделю прясть!

А на месте было и паломников десятка два — зашли иконе поклониться, да и остались подивиться на дела чудные, а после весть нести по дорогам дальше.

— Исповедуйся Господу нашему. Что тяготит душу твою?

— Грешна пред Богом. Прости меня, отче.

— Не держишь ли обиды на кого?

— Не держу, отче.

— Не желаешь ли вернуться к прежней жизни?

— Нет, с Божией помощью.

— Не принуждает ли тебя кто принять монашеский путь?

— Никто. По своей воле.

— Твердо ли решила оставить мир и служить Богу?

— Твердо.

После исповеди иеромонах подал ей небольшую потертую книгу.

— Прими в дар. Как мое пастырское благословление. Ныне ночь проводи в молитве. Читай Псалтирь, сколько Господь даст сил.

Анна поклонилась. Всю ночь простояла она на коленях перед своей иконой. Лишь с первыми лучами вернулась в землянку готовиться в службе.

Она вышла к киоту в белой длинной рубаше, непривычного для здешних глаз покроя, может и заморской. Коса расплетена, волосы распущены: цвета пшеницы, почти по колено — за три года отросли так, что и не всякая боярышня похвастает. Иеромонах и отец Прокопий переглянулись украдкой, каждый про себя одно и то же подумал: красива, статна не по-кре-

стьянски, могла бы в богатом доме хозяйкой сесть, мужу на радость. И добровольно от этого отказалась — само по себе свидетельство твёрже любых слов.

— Как наречена во святом крещении? — спросил иеромонах, начиная чин.

— Анна.

— А в миру как звалась, чья дочь, откуда родом?

Она помолчала, глядя мимо него, на озеро.

— Нет меня в миру боле. В крещении — Анна.

Ответ этот не по чину был — положено сказать, откуда пришла, чьих кровей. Иеромонах чуть свёл брови, но отступать не стал: испытал ещё вопросом о твёрдости, о готовности к послушанию, к безбрачию, к нестяжанию — на каждый она отвечала коротко, без запинки.

— Ей, Богу содействующу, отче.

Трижды поднёс ей ножницы — трижды она их подавала обратно, не беря; на четвёртый раз приняла сама и подала ему. Закрыла глаза. Состригали крест-накрест на темени пряди малые, не больше. А всё равно телом вздрогнула.

— Постригается раба Божия Анна во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Облачали её: подрясник, параман, пояс и ряса; расправили тяжёлую мантию; покрыли волосы апостольником и наложили покров; вручили четки-вервицу. Всё иеромонах привёз с собой, зная, что взяться этому в ските неоткуда. Крест надели её же, маленький серебряный, благословленный наново после вечерней исповеди.

Целовались с ней немногие — иеромонах, отец Прокопий, служка. Деревенские стояли поодаль, крестились, и мужики и бабы тихо всхлипывали — кто от жалости, иные от торжественности момента.

Феодосий молчал, размышлял о чём-то.

— Анна, — сказал он наконец, — Прокопий писал о письменах твоих.

Она без слов показала на землянку. Зашёл, взял лист с доски, служившей столом, провёл взглядом по строкам. Потом посмотрел на небольшие сосуды с красками.

— Сама делала?

— Да.

— А писать училась где?

— Дома, — голос дрогнул заметно.

Феодосий долго смотрел на лист.

— Знаешь ли ты, сколько монастырей ныне строится? Сколько церквей ставят? А писцов не хватает. Иконописцев не хватает.

Анна молчала. Она знала, но откуда — не объяснить.

— Бог благословил твою руку. Грех оставить её без дела.

— Какое послушание дадите, отче?

Феодосий переглянулся с Прокопием.

— Будешь переписывать книги.

Анна кивнула.

— Бумагу и всё потребное будем присылать. Дам образец книги — перепишешь. Готовое заберём.

— Если благословите.

Феодосий перекрестился.

— Благословляю, дочь моя.

Она посмотрела на киот с образом Богородицы и вдруг заговорила:

— Голод будет. И мор великий. Точно не скажу... лет пять ещё.

Иеромонах перекрестился:

— На все воля Божья.
Но слова её запомнил.

И так вышло, что дело безвестной пустынноицы с северного озера прошло мимо самого архиепископа Новгородского — человека принципиального и наводящего страх, чья непримиримость к ереси вошла в историю! И вышло это не по чьему-то умыслу, а просто по счастливому стечению обстоятельств, о которых сама Анна так никогда и не узнала.

Пока донесение о чудной иконе неспешно шло через погосты и пятины к Кирилло-Белозерской обители, владыка Геннадий доживал последние спокойные месяцы своего девятнадцатилетнего архиерейства. Осенью тысяча пятьсот второго года, когда бумага о безымянной скитнице только легла где-то в стопке дел кирилловского игумена, мысли новгородского владыки были заняты иным: близилась зима, а с ней и подготовка к московскому собору, куда его призывали для решения наиважнейшего для русского монашества дела — вопроса о монастырском землевладении.

Зимой из Кирилова никому не охота было пускаться в трудный путь ради дела, не сулящего выгоды. А по весне тысяча пятьсот третьего, когда наконец снарядили человека для пострига, сам Геннадий уже был в Москве, плечом к плечу с игуменом Иосифом Волоцким, отбивая у великого князя Ивана Васильевича право церкви на её земли и сёла, — дело, поглотившее его целиком.

Постриг совершился тем же летом — тихо, по всем правилам. Донесение об этом рано или поздно дошло бы и до самого архиерея — но тысяча пятьсот четвертый год не оставил ему ни часа передышки: то была пора последнего, решающего удара по ереси жидовствующих, которых он преследовал два десятка лет, а следом, не успев перевести дыхание после победы, — донос на собственного дьяка, вызов в Москву, отречение от кафедры и опала.

Так незримая рука бумажной волокиты провела Анну мимо самого пристального взгляда эпохи. Геннадий так и не узнал имени пустынноицы, которую благословили постричь его именем где-то на дальнем северном озере. Для него это осталось одной из сотен бумаг, канувших в самый бурный год его жизни. Для неё — тем, что позволило остаться незамеченной именно тогда, когда быть замеченной было всего опаснее.

Глава вторая.

Я не воспринимала постриг как финальный аккорд внутреннего пути. Это был финал первой стратегии выживания. На этом мой план заканчивался — реализовано задуманное. Обрела статус, объясняющий мое одинокое положение, дающий мне право на этот кусок леса, а главное, защищающий от домоганий мужчин и допросов со стороны властей. И все! Теперь я с тоской думала о том, что остаток своей загубленной жизни проживу в лесу, в лучшем случае переписывая молитвы.

Обрела ли я веру? Нет, конечно. Я оставалась убежденным атеистом. Размышляя над тем, что со мной произошло, в голову приходили мысли о физических парадоксах времени, а не о божественном замысле. Христианские догмы вообще никоим образом это не могли объяснить, кроме закрывающего все пробелы "на все воля Господа!" Если бы мне удалось вернуться домой, к Сергею, я бы с радостью забыла весь этот квест со сменой гражданства и получением нового статуса, вышла бы замуж, окунулась в работу и жила счастливо.

Итак, я морально приготовилась похоронить себя в лесу, когда обнаружила, что не до конца понимала эпоху.

Через пару недель у дуба, без золотой цепи, но с киотом, нарисовалась группа мужиков с топорами. Вопрос застрял в горле — за месяцы молчания я и сама забыла, как формулировать что-то длиннее пары слов. Получилось только:

— Пошто?

Мужики переглянулись, словно вопрос их удивил. Ответ был им очевиден.

— Миром порешили избу тебе поставить, — начал кряжистый, с проседью в бороде, незнакомый мне мужик, видать старший в группе. — Не дело духовному человеку в норе, аки зверю, жить.

— Да и грех на нас, коли не поможем, — вставил другой, помоложе, неловко переминаясь.

— Отец Прокопий так сказывал: чем сможете — тем и послужите. Кто хлебом, кто работой.

Я молчала, не зная, что делать дальше. Помощь — да ещё такая, целой артелью, не вошла ни в один из моих сценариев. Но привычное молчание продолжало спасать меня.

— Место сама укажешь, матушка? — спросил старший, уже деловито, будто моё молчание он принял за согласие, а не за растерянность. — Аль нам решать?

— Сама, — вышло сипло, — дайте подумать.

— Так это, размышляй покойно, а мы покамест лес готовить станем, — и он заговорил о тонкостях своего ремесла, но я слышала уже сквозь туман, — лес-то по зиме готовить надобно, да коли за лето рубить велено, не взыщи уж..., — далее уже и вовсе не слушала.

Встрепенувшись, благословила мужчин на труд, и побрела к озеру. Уже установившийся внутри печальный покой покрылся рябью нового веяния — нахлынули разные мысли. Ставить избу! Дом в лесу. Как так получилось? Я и подумать об этом не могла: этакая дача шестнадцатого века на берегу озера.

А в самом деле, место надо выбрать правильно. Избушки в деревне были низкие, венцы клали прямо на землю — это хорошо знала из истории зодчества — не лучшее основание для деревянного строения. Вспомнила курные избы и меня передёрнуло. Я встряхнулась. Мужиками точно надо руководить, мне не надо, чтобы они построили по примеру своих домов. Каждый год новую избу мне ставить не будут — это единственная возможность получить более-менее человеческие условия жизни до конца моих дней.

Я оторвала взгляд от созерцания пейзажа и повернулась спиной к озеру. Передо мной лежала большая поляна, шагах в пятидесяти стоял обрастающий легендами дуб. За ним небольшой овражек, в склоне которого я и сделала нору — так значит ее обозвали. Прямо от меня через всю поляну, к дороге, через лес убегала хорошо утоптанная тропа.

И внезапно меня словно током ударило! Разряд прошел по мозгу, потом замерло сердце, сковало лёгкие так, что не могла вздохнуть. Мысленно наложила план монастыря на местность. Ещё даже осмыслить не успела, но уже знала единственное место, где мог бы стоять дом настоятельницы монастыря! Я медленно повернула голову влево — среди леса выделялся небольшой холмик, действительно, самое сухое место, кроме совсем уж склонов оврага. В глазах потемнело.

Как-то много народу толкалось в неуединенном скиту. Десяток мужиков рубило лес. Паломники не то чтобы шли бесконечно, но раз в неделю останавливалась на ночь группа в десяток человек. Костер не затухал никогда — каша из цельного зерна варилась по полдня, пока заваривали травяной чай — уже и холодная ночь, а там новый день и новая порция каши или похлёбки... На настилы из еловых лап по мере их утаптывания докладывали свежие порции душистых веток. Подлесок вокруг извели: сначала я рубила на плетни, расчищая место под огород и огораживаясь, теперь же и вытоптали, и подобрали последний хворост. Ночью зарево костров стало видно с лесной дороги, хотя до нее был почти километр. У иконы постоянно кто-нибудь молился.

Мой интроверт радовался возможности обзавестись жильем, и съезжился от внезапно нахлынувшей публичности. Называли меня матушкой. Я сомневалась, что это правильно: матушка скорее жена батюшки и реальная мать его детей, а вместе с тем и для прихожан. Но спорить бы не стала. От споров с богословцами как раз в лес и подалась. И тут такое!

Порефлексировав над воспоминаниями пару дней, наметила колышками прямую линию и сказала, что можно рубить все деревья вдоль нее: что годится — на сруб, остальное на другие нужды. Я отступала шагами, мысленно по привычке переводила свои шаги в метры, саркастично материла мироздание. Наметив угол будущего домика, начала копать под основание. Фундамент как таковой сделать не из чего, но хоть органику убрать, дренаж выполнить из камня, валуны под углы положить. Сплела совсем уж простецкую корзину из толстых прутьев и бродила по берегу, собирая и таская камни.

И постоянно кто-нибудь пристраивался мне помочь. Люди были счастливы, помогая просто так — они видели в этом свою пользу, так называемое служение. Какие-то женщины сами собой пропололи огород, что я обнаружила по факту.

Мне пришлось для всех читать молитвы перед вечерними трапезами, благо успела выучить наизусть несколько из псалтыри в доме кузнеца, а теперь имела и собственную книжечку — подарок к постригу. Я не выбирала их по случаю — пока понятия не имела что к чему. Иногда, правда, вопрошала нет ли пожеланий. Но в моем окружении критически настроенных слушателей не было, и в целом это напоминало дружескую туристическую компанию у костра, только грустную и склонную пофилософствовать. Постепенно привыкла к этой своей роли просто единственного грамотного человека, могущего почитать на ночь.

Мужики ловко уложили крупные валуны под углы сруба. Но про мои канавы с камнями спросили. Тщательно подбирая слова и сохраняя немногословность, пояснила. Толокой сам сруб поставили за пять дней! Теперь, сменяя друг друга, то ставили дверь, то делали накат кровли. Все время кто-то возился на стройке. Пришлось притормозить, когда собрались курную печку у двери ставить. Поблагодарила — и так столько сделали, целый домик поставили! Довольная бригада разошлась по домам, получив благословение и обещание, что молиться

буду за благополучие их самих и всех их родных. И даже честно исполняла обещанное, потому что была совестливым человеком и раз дала слово, то выполняла.

Короче, я пребывала в тихом шоке, но думать об этом было и некогда. А потом ещё нагрянули чины с официальным визитом. И едва прийти в себя — начали желтеть деревья, а я ещё и не принималась за печку в доме! Это грозило ещё одной зимовкой в землянке. И все бросив, принялась месить глину.

Феодосий вернулся в монастырь вскоре после Иванова дня и доложил игумену Нифонту. Говорил долго и обстоятельно. По тому, как игумен мял в пальцах вервицу, было видно — интерес его не праздный. Дефицит грамотных рук стал головной болью не только игумена: переписчиков не хватало по всей Руси, особенно на севере, а тут сама собой завелась пустынноница с поставленным почерком и, судя по рассказу, с головой. Чтобы обернуться ещё до сбора урожая, Нифонт велел немедленно собираться в дорогу — сам, келейник его да несколько монахов.

Феодосий не дурак был, привёз листочек с письменами: бумага была дурная серая, а буквы — ладные! А потому игумен сразу взял на переписывание полное Евангелие и целую стопу бумаги — до будущего лета работа. Вёз он и Благословенную грамоту на устройство скита. Это была мелкая хитрость — отныне скит и монахиня подчинялись Кириллову монастырю. За такую руку можно и побороться!

Спустя месяц Нифонт добрался до места, где от дороги отходила тропа. Дальше шли пешком. Вскоре тропинка резко расширилась, часть деревьев была вырублена: здесь горел костер, на пнях сидели люди. Завидев идущих священников, люди повскакивали, кланялись, потянулись за благословением. Игумен благословил всех разом, широким жестом, не останавливаясь и не задерживаясь на каждом отдельно. Вышел на широкую поляну, и взгляд его тут же ушёл дальше — лазурную икону на фоне дуба увидел сразу. Подошёл и перекрестился. Рассматривал долго: икона по откровению, а не через ученичество — опытный глаз оценил сразу. Но для необученного школой человека действительно очень хорошая работа. И лазурь богатая!

— Где сестра Анна? — обернулся к скитальцам. Дружно закивали в сторону озера — по берегу брела, согнувшись под тяжестью корзины, молодая женщина. Мокрый подол рясы лип к босым ногам. Она ни на кого не обращала внимания, погруженная в свои мысли.

Анна подняла голову и не сразу поняла, что за люди на поляне, пока не различила среди них Феодосия. Тогда бросила корзину там, где стояла и подошла, наскоро отряхивая руки о платье. Подойдя, поклонилась в пояс:

— Благословите, отче.

Нифонт благословил. В целом он уже успел разглядеть её, а сейчас задержал взгляд на пальцах, исцарапанных от работы, но и не крестьянских, каких он навидался немало.

— Наслышан о тебе, сестра, — начал он, — Феодосий сказывал, руку имеешь редкую. Да и вижу — не солгал.

Он кивнул в сторону киота.

— Сама писала? Кто наставлял ты?

— Сама, — ответила она, не подымая глаз. — Наставника не имела. По видению писала, — она наконец подняла лицо, — в очах стояла, вот как есть. Я токмо перенесла. Как сумела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.